нии к единоверию, но эти важные темы остались за пределами их переписки. При этом оба собеседника – и противник каких-либо схем и застывших догм Гиляров, и склонный к некоторому, так сказать, начетничеству Филиппов, – как правило, деликатно избегают моментов несогласия, обходят острые углы, дорожа объединяющими их "случаями единомыслия".

Подобно всем другим эпистолярным текстам, принадлежащим перу Гилярова и Филиппова (к сожалению, они пока еще в незначительной своей части введены в научный оборот), их двусторонняя переписка представляет важный материал как для изучения жизни и творчества этих мыслителей, так и для исследования ряда неоднозначных проблем общественно-политической и духовно-нравственной жизни России.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЕРЕПИСКА Н.П. ГИЛЯРОВА-ПЛАТОНОВА И Т.И. ФИЛИППОВА

1

Гиляров – Филиппову[1]

Милостивый Государь
Тертий Иванович!

Пользуюсь поездкой одного из близких моих[2] в Петербург, чтобы благодарить Вас за сочувственный отзыв, прочтенный мною в "Гражданине"[3]. Но Вы не совсем верно выразились, что *только теперь* начинают сознавать пользу собора. Не виню Вас, потому что Вам не было случая следить; но точка зрения, на которой я стою, мною высказана еще в 1869 году, если не в 1868[4]. Помимо всего, собор нужен *для нас*; для нас более чем даже для решения восточных дел. Реформы духовного ведомства идут по дурному пути; я бы сказал – по худшему, чем когда[5] они шли. Читал я о проекте судебной реформы[6]. Не видал я его целиком. Но вижу, что здесь совершается колоссальный подмен понятий. Всероссийским собором величают собрание 12 архиереев[7]. Однако кем назначенных? – спрашиваю я.

Мне приятно было бы, если б Вы прочитали мои мысли о разных затеях судебной реформы, которые высказывал я и в прошлом, и в нынешнем году[8]. Надеюсь и еще поговорить[9]. Но что?

Но почему? Падают иногда руки, когда видишь, как ломят одни и до чего пали другие. Падение духовенства поразительно. Историческое воспитание принесло свои плоды. Если желали чиновников на место иерархов и пастырей, то получили[10], и уже более ничего как чиновников. Желал бы Вселенского собора именно потому, что на него нельзя явиться с теперешним устройством церкви[11]. Многое, что умалчивается теперь по духу братского снисхождения, высказалось бы тогда. – "А вы кто? Вы чей голос?" Пришлось бы подумать заранее, попристальнее взглянуть на себя и, может быть, предварительным очищением избегнуть справедливых укоров.

Не все зараз было высказано и при великом разделении церквей на Восточную и Западную[12]. Многое терпелось с любовию даже до XI столетия[13].

Не приходится мне достаточно следить за духовными журналами. Не знаю, как они отнеслись к старокатоличеству[14] и отнесутся ли как-нибудь к Болгарскому вопросу[15].

Я надеюсь, что Вы не положите пера и будете писать, хотя не знаю, есть ли умы, способные слушать? Впрочем, в Петербурге это виднее.

Примите уверение в искреннем почтении
Вашего усердного слуги

Н. Гилярова-Платонова

20-е октября 1872 г. (См. на обороте.)[16]

P.S. Вы между прочим не согласны со мною, что цареградский патриарх мог без собора обойтись[17]. Я продолжаю быть в этом уверенным. Собор ли подчинил Болгарскую церковь Константинопольскому престолу? Не турецкая ли власть?[18] С этой точки зрения даже магометанская власть могла и снова отложить[19]. Но пусть это будет зайти слишком далеко. Чтоб отпустить болгар *совсем*, для этого достаточно было доброй воли.

Вы ссылаетесь на Филарета, что полной самостоятельности не следовало давать[20]. Это не ответ, следовало или не следовало. Об этом еще можно спорить, и я первый поспорю. Но никто не мешал дать болгарам больше того, чем они просили, дать всё, больше чего нельзя желать, и для *этого* не нужно никакого собора. Собор оказывается нужным только по нежеланию патриархата дать всё, другими словами, по его властолюбию и корыстолюбию[21]. Но освободиться от уз любочестия и корысти опять нет надобности в соборе.

Но, впрочем, говорить подробно об этом было бы слишком долго.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Печатается по автографу: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–2 об.; копия неустановленного лица: Российская национальная библиотека (РНБ). Ф. 847. № 496. Л. 1–4.

[2] В ответном письме Филиппова упоминается, что оказия была совершена через фольклориста Е.В. Барсова (см. прим. 2 к письму 2).

[3] Имеется в виду статья Филиппова "Определение Константинопольского собора по вопросу о Болгарском экзархате" (Гражданин. 1872. № 23, 24, 26, 27), в которой (16 октября. № 24. С. 195–197) сочувственно цитируется корреспонденция о греко-болгарской распре некоего г. Д. и – довольно пространно – передовая самого Гилярова по той же проблеме (см.: Современные известия. 1872. № 270, 265). Филиппов предуведомляет эти выдержки сетованием на то, что не только его позицию никто не поддерживает, но и попросту игнорируются его суждения. И далее: "Но в настоящее время появляются уже по этому вопросу мнения, которые почти совершенно сходятся с нашими, что выводит нас из того одиночества, на которое мы были до сих пор обречены и которое, при всей его тягости, нужно было переносить из чувства долга, в ожидании той поры, когда захотят наконец взглянуть Греко-болгарскому вопросу прямо в лицо и судить о нем на основании его истинной природы, а не по каким-нибудь случайным его очертаниям" (*Филиппов Т.И.* Современные церковные вопросы. СПб., 1882. С. 199).

[4] В 1868 г. Гиляров опубликовал две статьи на эту тему. 30 сентября (№ 269) под рубрикой "Иностранные известия" он, откликаясь на известия о задуманном папой Пием IX Римском соборе, предлагал в противовес ему созвать Вселенский православный собор, между прочим – и для возвращения Русской церкви канонического (т. е., по убеждению Гилярова, досинодального) управления: "Се, ныне время благоприятно. На очереди церковный вопрос, на очереди давно; но теперь более, чем когда, приступить к очищению внешнего вида церкви от всего, случайно к ней приросшего, не церковного, было бы и славно, и достойно" (*Гиляров-Платонов Н.П.* Вопросы веры и Церкви. Т.I. С. 67). Эта же мысль, близкая и Филиппову, звучит в передовой статье от 25 ноября 1868 г. (№ 325), посвященной Греко-болгарскому вопросу: "Собор *должен* быть, а потому он будет. Слишком много накипи наросло на внешнем здании церкви, так что и лик ее распознать теперь не легко: слишком много внутренних недоразумений накопилось ⟨...⟩. Добровольная уступка со стороны патриархии не возможна, как невозможно и Болгарии добровольно отказаться от своего *естественного* права, вызванного народным пробуждением: замять невозможно. Невозможна и сделка ⟨...⟩. Собор неизбежен; а он, по самому свойству спорного вопроса может быть не иначе, как собором всего православия" (там же. С. 73, 74). В 1869 г. в гиляровской газете дважды поднимался этот же вопрос в передовых статьях – от 24 июня (№ 171) в связи со слухами о предполагаемом пересмотре суда над Я. Гусом и 27 ноября (№ 326) по поводу Римского собора. Гиляров призывал в первой из них: "...никогда так не был, как теперь, благовремен собор Восточной церкви; он бы образовал ядро, около которого могло бы сомкнуться все недовольное папством. Россия мигом заняла бы положение, которому по славе и по влиянию на исторический ход судеб всего света еще не было равного. Судьба дается сама в руки" (там же. С. 147). Впрочем, и позднее, в 1870 г., Гиляров в передовице от 2 марта (№ 60) возвращался к той же теме, имея в виду обвинения в "цезарепапизме", высказываемые иностранцами в адрес Св. Синода: "И после этого

скажут, что собор излишен, бесполезен или даже вреден, как способны говорить некоторые. Некоторые, предпочитающие натянутость, мрак и двоедушие чистоте и ясности" (там же. С. 224).

[5] В копии далее поставлено: "-либо" (л. 1).

[6] Комитет по разработке проекта реформы церковного суда был учрежден синодальными властями в 1870 г. Предполагалось опираться на те же принципы, на основе которых преобразовывали судебную часть в гражданском ведомстве и в армии. Однако неприятие этих идей большей частью епископата свело реформу на нет.

[7] Имеется в виду законодательное положение о количестве синодальных членов: "Число особ правительствующих довольное есть 12" (⟨*Феофан (Прокопович), архиеп.*⟩. Духовный регламент. М., 1779. С. 59).

[8] Гиляров подразумевает три свои передовые статьи: от 10 октября 1871 г. (№ 279) и от 6 и 7 января 1872 г. (№ 5, 6). В его письме к К.П. Победоносцеву от 24 января 1872 г. тема первой из них определена так: "о пространстве и смысле епископской власти", в двух же других "отрицательно разъясняется отличие церковного суда от мирского" (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 458. Л. 5–5 об.). Гиляров выступал и против либерализации церковного суда, сближающей его со светским, и против "полновластия" епископов, которое оказывалось сродни папской непогрешимости (см.: *Гиляров-Платонов Н.П.* Вопросы веры и Церкви. Т. I. С. 301–309, 346–355).

[9] С Победоносцевым Гиляров также делился сходными планами развития темы духовно-судебной реформы: "...затем, как я сказал, перейду к положительному и к подробностям". И тут же ссылался на трудности: "Объем журнала не позволяет ни сопровождать положения цитатами, ни передавать мысли в непрерывной последовательности. Большинство читателей, то, которым я живу, скучает статьями слишком серьезными или длинными; приходится их разбивать и приурочивать части исследования к отдельным частным случаям, хотя и не теряя общей нити" (РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 458. Л. 5 об.). Не в последнюю очередь именно по названной причине продолжение цикла так и не увидело свет.

[10] Гиляров неоднократно поднимал в своей газете эту проблему – в связи с награждением духовенства гражданскими орденами, принуждением его заниматься обширным регистрационным делопроизводством и др.

[11] Ср. риторические вопросы в упоминавшейся гиляровской передовице от 25 ноября 1868 г.: "Ну что ж, какие запасы духовного просвещения выставим мы напоказ, с каким мысленным оружием выступим? Бьет ли у нас ключом живая струя, или же явимся застоявшимся безжизненным болотом, и притом болотом, воображающим, что в мертвенной-то безжизненности и заключается духовно-умная жизнь веры..." (*Гиляров-Платонов Н.П.* Вопросы веры и Церкви. Т. I. С. 76).

[12] Имеются в виду богословские споры, предшествовавшие взаимному проклятию и отлучению римского папы Льва IX и константинопольского патриарха Михаила Керулария в 1054 г.

[13] Считается, что окончательный раскол между двумя ветвями христианства мог бы произойти и позднее XI в., не примешайся к этому процессу случайные обстоятельства – прежде всего беззастенчивость кардинала Гумберта, с необыкновенной наглостью принуждавшего патриарха Михаила подчиниться Риму (см.: *Ковальский Я.В.* Папы и папство / Пер. с пол. М., 1991. С. 105).

[14] Движение старокатоличества (нем. Altkatholizismus) возникло в Германии и Швейцарии сразу после провозглашения на Ватиканском соборе 18 июля 1870 г. догмата о непогрешимости римского папы. Основанные тогда же две

старокатолические местные Церкви стремились восстановить вероучение и устройство Вселенской церкви до ее разделения в 1054 г. и войти в общение с православными и протестантскими Церквами. В русских духовных журналах это движение было встречено с большим сочувствием и в дальнейшем всячески поддерживалось стремление иноверческих Церквей к союзу с православной. Среди важнейших публикаций, увидевших свет к октябрю 1872 г., которым датировано письмо Гилярова, назовем следующие: *Тачалов А.В.*, свящ. Протесты в Германии и Австрии против нового, на Ватиканском соборе 18 июля 1870 г. провозглашенного, догмата о папской непогрешимости и его последствия // Христианское чтение. 1871. № 5, 6; *Осинин И.Т.* Старокатолическое движение и Мюнхенский церковный конгресс // Там же. 1871. № 11; Старокатолическая партия в Германии // Православное обозрение. 1871. № 9–11; Суждения старокатоликов о соединении церквей // Там же. 1872. № 8; Движение старокатоликов во Франции // Екатеринославские епархиальные ведомости. 1872. № 6; *Нечаев В.П.*, свящ. Несколько слов по поводу старокатолического движения // Душеполезное чтение. 1872. № 6.

[15] Вопросу греко-болгарской распри в духовных журналах того времени было посвящено большое количество материалов, авторы которых в целом сочувственно отнеслись к автономии Болгарской церкви, но при этом и отдавали справедливость основным претензиям Константинопольского патриархата. См., например: Церковно-болгарский вопрос // Православное обозрение. 1866. № 6; *Жинзифов К.И.*: Решение Греко-болгарского вопроса // Там же. 1870. № 3; *Он же.* Греко-болгарский церковный вопрос // Там же. 1870. № 5, 7; 1871. № 10; 1872. № 1, 2; *Б–в Ф.С.* Исторический очерк спора болгар с греками о правах по церковному управлению // Там же. 1871. № 4; Современное состояние церковно-болгарского вопроса // Подольские епархиальные ведомости. 1871. № 11; По поводу отлучения, состоявшегося в Константинополе против Болгарской церкви // Православное обозрение. 1872. № 10; Н.Д. ⟨*Давыдов Н.*⟩: Святейший патриарх Вселенский Анфим VI и греко-болгарская распря // Церковная летопись "Духовной беседы". 1872. № 7; *Он же.* Греко-болгарский церковный вопрос // Там же. 1872. № 9–11; 3) Настоящее положение Греко-болгарского церковного вопроса // Там же. 1872. № 20, 23.

[16] Здесь заканчивается третья страница письма.

[17] Подразумевается фраза Филиппова, завершающая цитирование гиляровской передовицы от 18 июня 1872 г.: «Из всех приведенных нами соображений "Современных известий" мы не можем согласиться лишь с одним, что дело могло обойтись и без собора и что от патриарха зависело решить вопрос собственною властию» (*Филиппов Т.И.* Современные церковные вопросы. С. 202) – и имевшая в виду следующее утверждение Гилярова: "Оно правда, без собора можно было обойтись; патриарх имел совершенное право отпустить и сам Болгарскую церковь на самостоятельность; но он сам просил братски рассудить распрю, принимавшую огорчительный ход. Не случись этого, – *разрыв должен был последовать*" (Цит. по: там же. С. 201–202).

[18] Болгарская церковь была подчинена Константинопольскому патриархату начиная с конца XIV в., когда Болгарское царство завоевала Османская империя (1396); окончательно – в XVIII в., с упразднением Печского (1766) и Охридского (1767) патриархатов.

[19] Имеется в виду тот факт, что греко-болгарская распря была прекращена османской властью: 27 февраля 1870 г. султан Абдул-Азиз подписал фирман об учреждении Болгарского экзархата, независимого от Константинопольского патриархата.

[20] Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов; 1783–1867), святой; митрополит Московский и Коломенский (с 1826 г.); государственный и церковно-общественный деятель, богослов и проповедник. Особенно см.: Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам Православной Церкви на Востоке. СПб., 1886. Гиляров имеет в виду процитированное Филипповым суждение Филарета: "Действительное врачество против зла, – писал он, – надлежало бы найти в том, чтобы православные болгаре умерили свои требования от Константинопольской патриархии и чтобы сия ⟨…⟩ умерила свою непреклонность против их требований: чтобы они получили свою иерархию довольно свободную, но не совсем независимую и не отторженную от вселенского патриарха" (*Филиппов Т.И.* Современные церковные вопросы. С. 203).

[21] В цитированной Филипповым гиляровской передовице упоминалось, что благодаря Вселенскому собору "властолюбие призвано было бы к любви, непокорство – к послушанию" (там же. С. 201).

2

Филиппов – Гилярову[1]

Спб. 1872. Ноября 7.

Многоуважаемый Никита Петрович!

Ваш знакомый г. Барсов[2] побрезговал моей хлебом-солью: да не вменится ему![3] А я хотел было с ним послать Вам свой ответ на Ваше дружелюбное объяснение. Мы во многом еще разномыслим по Греко-болгарскому вопросу (отчасти, может быть, и потому, что я видел все тайны этого дела из подлинных документов, которые были предоставлены в мое распоряжение); но весьма важно для меня то, что Вы стоите, за одно со мною, за собор, как за наилучшее, по моему же мнению, даже единственное[4], средство: это – главное. Когда Церковь, собравшись вся, с полною свободою от посторонних влияний произнесет свое слово, то ему должны подчиниться как патриархия, так и болгаре. Собор был бы и нашим воскресением; без него нам не исправить путей своих[5], особенно когда нас будут вести не пастыри церкви, а добрые штаб-офицеры*. То, что делается по начинаниям людей, только назначением своим в должность побуждаемых к размышлению о делах Церкви, может ли быть обдуманно, прочно, полезно и согласно с требованиями богоустановленной Церкви, имеющей особые основы бытия и управления?

---

* Прим. Филиппова внизу страницы: "Известно ли Вам изречение Петровского законодательства: обер-прокурором быть подобает доброму штаб-офицеру?"[6].

Обращаясь к своим воззрениям на[7] Греко-болгарский вопрос, я должен Вам признаться, что удивляюсь несколько всеобщему почти молчанию о моих доводах, которые так пространно изложены в моих двух статьях "Всел⟨енский⟩ Патр⟨иарх⟩ Григорий"[8] и "Решение Грек⟨о⟩-болг⟨арской⟩ распри"?[9] Только один Тесовский имел дух выступить прямо против моих положений[10] (я виноват перед ним: замедлил ответом[11]); но если Вы читали его и меня, то едва ли можете сомневаться, что, при дальнейших объяснениях, ему не удержать за собою занятой им позиции. Все же прочие писатели минуют встречи со мной и предпочитают рассуждать параллельно. Мне это ничего, ибо я не гонюсь ни за чьим согласием (хотя случаям единомыслия бываю всегда рад до глубины души); но вопросу от этого явный ущерб.

Должен прервать письмо, не кончив его: ибо внезапно получил приглашение начальства[12]. До свидания!

Искренно преданный Вам *Т. Фил⟨иппов⟩*

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Печатается по автографу: РНБ. Ф. 847. № 713. Л. 1–2; копия, выполненная сыном мыслителя Н.Н. Гиляровым (далее: копия Г.): там же. № 714. Л. 1, 2.

[2] Елпидифор Васильевич Барсов (1836–1917) – фольклорист, исследователь древнерусской письменности; хранитель рукописей Румянцевского музея (с 1870 г.); сблизился с Гиляровым и его семьей в 1867 г. (РНБ. Ф. 847. № 49. Л. 55).

[3] Новозаветное выражение (Деян. 7: 60; 2 Тим. 4: 16).

[4] Ср.: "...созвание собора как единственно верного, законного и приличного для Церкви средства к прекращению возникающих в ее среде смут, должно быть предметом наших горячих и единодушных стремлений" (*Филиппов Т.И.* Современные церковные вопросы. СПб., 1882. С. 194).

[5] Подразумевается Синодальное управление Русской церковью, по убеждению Филиппова – антиканоническое. В статье "Определение Константинопольского собора..." – вполне в согласии с упомянутыми выше суждениями Гилярова (см. прим. 4 к письму 1) – он писал: «Не говорим уже о том, что для самой Русской церкви созвание собора было бы началом восстановления из того печального и униженного положения, в которое она повержена многими исторически сложившимися причинами и более всего лишением соборного начала, составляющего "исходища ее жизни"...» (*Филиппов Т.И.* Определение Константинопольского собора по вопросу о Болгарском экзархате // Гражданин. 1872. № 23–27. С. 205).

[6] Не исключено, что Филиппов по памяти цитирует следующее место труда С.М. Соловьева, которое историк снабдил глухой ссылкой на "Протоколы Сената": «11 мая 1722 года Государь указал Сенату: "В Синод выбрать из офицеров доброго человека, чтоб имел смелость и мог управления синодского дела знать и быть ему обер-прокурором, и дать ему инструкцию, применяясь инструкции генерал-прокурора". Выбран полковник Болтин» (*Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1868. Т. XVIII. С. 197–198).

[7] Далее зачеркнуто: “предмет, я” (л. 1 об.).

[8] Точное название статьи: “Вселенский патриарх Григорий VI и греко-болгарская распря” (Журнал Министерства народного просвещения. 1870. № 2, 3); отд. отт.: СПб., 1870. ⟨2⟩, 110 с.

[9] Точнее: “Решение Греко-болгарского вопроса” (Русский вестник. 1870. Т. 87, июнь. С. 678–723).

[10] *Тёсовский П.* Греко-болгарский церковный вопрос // Заря. 1871. № 6. С. 87–105; отд. отт.: Пг., 1871. 21 с. Тёсовский (видимо, это псевдоним) оспорил богословские аргументы Филиппова, выдвинутые тем в статье “Вселенский патриарх Григорий VI...” По убеждению Тёсовского, они не выдерживают “историко-канонической критики” (с. 14) и Филиппов восстает “против автокефализма Болгарской церкви, пристрастно доказывая, что все благополучие болгар в церковном отношении только и возможно под условием зависимости Болгарской церкви от Константинопольского патриархата...” (с. 8). Позиция Тёсовского близка гиляровской.

[11] Прямо Филиппов так и не ответил Тёсовскому, но косвенно (не называя имени оппонента) пытался опровергнуть его доводы в статье “Определение Константинопольского собора...” (см.: *Филиппов Т.И.* Современные церковные вопросы. С. 218–232).

[12] С 19 февраля 1864 г. Филиппов служил в Государственном контроле; 8 июля 1871 г. был назначен управляющим Временной ревизионной комиссии.

3

Гиляров – Филиппову[1]

⟨Январь 1882 г.⟩

Милостивый Государь Тертий Иванович.

Когда я был в Петербурге, Вы имели любезность обещать мне письмо к Цимсену[2]. Предложением Вашим я не успел воспользоваться, вызванный внезапно в Москву. А покровительство г. Цимсена мне бы очень нужно было, и вот почему.

Между прочим я – купец (рузский)[3] и в качестве такового выдаю и получаю товарные векселя. По своим оборотам, простирающимся не на одну сотню тысяч, казалось бы, я должен пользоваться довольно широким кредитом в банках, а между тем его не имею. Не имею собственно потому, что не принадлежу к коммерческому кругу в тесном смысле и не имею в купеческом кругу знакомства. “Редактор” заслоняет типографщика и фабриканта, а редакторский вексель причисляют к “барским”, которые в банках хода не имеют: я говорю о московских акционерных банках[4]. Да и типографщики пользуются малым[5] кредитом и даже фабриканты[6].

После этого предисловия Вам будет понятно, что великое мне было бы одолжение материальное и нравственное, если бы

мне был открыт кредит Государственным банком, примерно в размере 20 000 р⟨ублей⟩, т.е. дано право учесть векселя примерно на эту сумму[7]. Сравнительно кредит этот небольшой для человека, имеющего типографию, стоящую до 50 000 р⟨ублей⟩, и фабрику – свыше 100 000[8], не считая даже ни во что издательскую фирму, которая по-настоящему составляет[9] очень немаловажную ценность.

Какие формальности требуются для того, чтоб заполучить кредит в Г⟨осударственном⟩ б⟨анке⟩, я не знаю[10]. Во всяком случае, твердо уверен, что рекомендация г. Управляющего Банком здесь значит очень много, если не все. Вот почему и решаюсь[11] снова утруждать Вас своею просьбой – на этот раз о том, чтоб походатайствовать для меня перед г. Цимсеном.

Не нужно ли, однако, для того мне приехать лично в Петербург?

Примите уверение в моем душевном уважении и соверш⟨енной⟩ преданности.

Ваш усердный слуга *Н.Г*

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Печатается по копии, исполненной кн. Н.В. Шаховским (далее: копия Ш.): РНБ. Ф. 847. № 496. Л. 7; черновой автограф: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 21. Л. 1, 2.

[2] В черновике первоначально было: "...Вы мне предложили представить меня..." (л. 1). Алексей Васильевич Цимсен (1832–1889) – финансист, управляющий Государственным банком в 1881–1889 гг.

[3] В 1873 г. Гиляров купил писчебумажную фабрику в с. Брынкове Рузского уезда Московской губ. у штабс-ротмистра Н.И. Шумова за 50 тыс. рублей (15 тысяч внесено наличными, на остальные 35 оформлены векселя) (см. Свидетельство о покупке фабрики от 12 июля 1873 г. и ее Опись: ИРЛИ. Ф. 71. № 66). Протоиерей П.А. Преображенский отмечал в своем некрологе Гилярову: "...очень неудачным предприятием покойного было приобретение писчебумажной фабрики в Рузском уезде, которая поглотила много средств, а давала лишь убытки и продана за долги" (Православное обозрение. 1887. Т. III, окт. С. 396). Объяснялось это тем, что неопытного Гилярова, можно сказать, мошеннически склонили к приобретению заведомо убыточной фабрики. Однако, делая эту покупку, увлекающийся Никита Петрович строил планы на будущее братство журналистов и издателей: он надеялся к содержанию фабрики привлечь Н.С. Скворцова, А.С. Суворина, П.И. Бартенева и других знакомых редакторов, чтобы максимально удешевить бумагу и сделать русские газеты независимыми от прихоти капиталиста-барышника. Но никто его не поддержал.

[4] Акционерные банки, выдававшие ссуды под залог недвижимого имущества, возникают в Москве с конца 1860-х годов. Крупнейшие в тот период: Учетный (1869), Торговый (1871) и Земельный (1872) банки.

[5] В черновом автографе это слово надписано сверху над зачеркнутым: "ничтожным" (л. 1).

[6] Далее в автографе было: "...меньшим, нежели чистые торговцы" (Православное обозрение. 1887. Т. III, окт. С. 396). Гиляров неоднократно, оказываясь в стесненных обстоятельствах, пытался бороться с таким положением вещей, настойчиво, приводя веские аргументы, убеждал банкиров, что, кредитуя владельца типографии, они рискуют не более, чем, к примеру, ссужая деньгами хозяина парохода. Так, 19 февраля 1876 г. он писал московскому финансисту (директору правления банка) М.А. Саблину (цитируем по черновику письма; в квадратных скобках – вычеркнутые фрагменты): "Не может ли Промышленный банк принять к учету соло-вексель, обеспеченный *типографиею*, то есть всем заведением с машинами, станками, шрифтом и разною утварью? В виде материала к соображению я должен добавить, что типографии состоят под особенным правительственным надзором. Их инвентарь ведется в особенной казенной книге, проверяемой [казенным] инспектором книгопечатания. Ни одно орудие печатания (в том числе и шрифт) не имеет под страхом уголовной ответственности ни войти, ни выйти без ведома начальства; само заведение не имеет права переменить места, [то есть] перенестись даже на другую квартиру без правительственного разрешения. Мы не имеем права даже *затерять* шрифта в год более 10% [(в противном случае – уголовщина)]. На этих основаниях типографии принадлежат чуть-чуть не к недвижимым имуществам. Во всяком случае, упомянутые условия дают ['по моему мнению'] важную гарантию за сохранность имущества, предлагаемого в обеспечение [а потому, казалось бы, предложение мое могло бы быть принято]. [Пароход был же бы принят Банком в обеспечение (разумеется, застрахованный)? Если да, то может быть принята и типография, тем с большим основанием.]" (РНБ. Ф. 847. № 524. Л. 1–1 об.). (В архивных регистрационных документах адресат значится как "неустановленное лицо Михаил Алексеевич". Фамилия и должность определены по содержанию с помощью изд.: Адрес-календарь разных учреждений г. Москвы на 1876 год. ⟨М., 1875⟩. С. 864, 2-й паг.)

[7] Приблизительно о том же Гиляров писал министру финансов Н.Х. Бунге (цитируем по недатированному черновику): "В частных банках выдают деньги под соло-векселя, когда векселедатель представляет сверх того обеспечение. Государственный банк учитывал соло-векселя землевладельцев. Я бы просил милости принять в виде обеспечения мое издание и под этим обеспечением – учитывать мои соло-векселя примерно на 20 000, то есть на сумму, которая приблизительно получается мною от публикаций?" (РНБ. Ф. 847. № 386. Л. 5).

[8] Далее в автографе следовали позже вычеркнутые варианты продолжения: "...отстраняя уже газе⟨тную⟩ [ценность издательской фирмы] издательскую деятельность, хотя, в сущности, газете..." (л. 1–2). Покупная цена фабрики была вполовину ниже. См. прим. 3 к наст. письму.

[9] Далее в автографе было слово "однако" (л. 2).

[10] С тем же вопросом Гиляров обращался к своему знакомому Н.Я. Макарову, товарищу управляющего Государственным банком с 1881 г. (сохранилось недатированное черновое письмо): "Как записанный в гильдию купец, как владелец и содержатель фабрики (писчебумажной), владелец и содержатель типографии, мне казалось, я имел бы право просить Государственный банк об открытии мне известного кредита, то есть права учитывать векселя. Но какая для этого формальность требуется, я не знаю. ⟨...⟩ Не смею просить, чтобы Вы оказали мне и рекомендацию, которая бы открыла моим векселям ход в Банк, хотя Ваше участие было бы для меня, никого не знающего в Банке, поистине драгоц⟨енно⟩" (РНБ. Ф. 847. № 533. Л. 1). (В архивных регистрацион-

ных документах адресат значится как "неустановленное лицо Николай Яковлевич". Фамилия и должность определены по содержанию с помощью изд.: Личный состав Государственного банка, его контор и отделений и С.-Петербургской и Московской сберегательных касс: Исправлен по 1-е августа 1881 г. СПб., 1881. С. 1.)

[11] Первоначально в автографе было (позже вычеркнуто): "осмеливаюсь" (л. 2).

4

Филиппов – Гилярову[1]

Милостивый Государь
Никита Петрович!

Такого рода, как Ваше, дела лучше делать усты ко устом, а не хартиею и чернилом[2]. *Помочь* Вам не берусь, а *помогать* буду: ибо еже хотети прилежит ми, а еже содеяти несть мое[3]. К Цимсену письмо дам Вам с большим удовольствием.

Искренно преданный Вам

Т. Филиппов

Спб. 25 янв⟨аря⟩ 1882.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Печатается по автографу: РНБ. Ф. 847. № 713. Л. 3; копия Г.: Там же. № 714. Л. 3.

[2] Цитируется апостольское послание (2 Ин. 1: 12). Полностью: "Многа имех писати вам, и не восхотех хартиею и чернилом: но надеюся приити к вам, и усты ко устом глаголати".

[3] Новозаветная реминисценция: "...еже убо хотети прилежит ми, а еже содеяти доброе, не обретаю" (Рим. 7: 18). В синодальном переводе: "...потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу"

5

Гиляров – Филиппову[1]

⟨Сентябрь (после 10-го) 1882⟩[2]

Многоуважаемый Тертий Иванович.

Вчера я видел Н.Н. Дурново[3], и он мне сказал, что Вы имеете кого-то, кто за очень сходную цену мог бы доставлять в Москву телеграммы из Петербурга, под Вашим наблюдением. Это именно вещь, в которой я очень бы нуждался[4]. В числе упреков, которые делают моей газете москвичи, одного я не могу не признать

основательным: у меня нет телеграмм из Петербурга. Я и заводил их неоднократно; но 1) обходилось это очень дорого; а потом[5] 2) попадались такие корреспонденты, которым и дешево платить не стоит, потому что совершенно лишены такта. Две газеты ("Русские ведомости"[6] и "Курьер"[7]) сложились вместе и держат кого-то; мне не предлагают. Забегать к ним не приходится, уже потому, между прочим, что лагерь совсем другой.

В каком смысле говорили Вы о телеграммах с Дурново? Какую[8] московскую газету имели в виду? Как находили возможность устроить? Всё это вопросы[9], до меня очень близкие, и мне уже мелькает надежда, не можете ли Вы пособить мне в моем горе.

Помимо заботы о телеграммах[10], с отсутствием которых я поневоле даже мирюсь отчасти, у меня есть еще забота. Не подивитесь, многоуважаемый Тертий Иванович: у меня есть замысел издавать *иллюстрированную еженедельную газету*. Давно засела у меня эта мысль, основания для которой следующие:

1) Из всех периодических изданий наибольшим сбытом пользуются именно иллюстрированные: спрос на них огромный.

2) Все существующие иллюстрированные газеты издаются: а) или исключительно с спекулятивною, барышническою целью; б) или с тенденцией – потворствовать развратным вкусам и нравам[11]; в) или, наконец, того хуже: одно из изданий считается прямо органом террористов[12]. Мое издание было бы тенденциозно прямо в обратном направлении[13], с точки зрения нравственности, и притом в строго национальном духе. По-моему, это даже патриотический долг. Но в настоящее время для меня лично присоединяется еще основание.

3) Политическая газета при настоящих условиях, особенно после известных дополнений к законам о печати[14], становится совершенно невозможною. Молю Бога о наступлении той минуты, когда бы я мог ликвидировать "Современные известия", предоставив поле "Русским ведомостям", "Курьеру" и "Московскому листку"[15], особенно последним двум, эти[16] последние, и теперь вытесняющие нашего брата, одни и останутся (не считая, разумеется, "Московских ведомостей"[17]), особенно при возврате цензуры[18].

Итак, иллюстрированная газета или поддержит "Современные известия", которым без какой-нибудь[19] экстренной подпоры бороться (особенно с "Московским листком") нет никакой возможности и, следовательно, возможности существовать. Или же облегчит, по крайней мере, путь к честной ликвидации[20].

Газета предполагается[21] дешевая – в *пять* рублей. Я говорил с Князем Вяземским и писал ему[22]. Теперь вообще воздерживают-

ся от разрешений; но кроме того я желал бы, чтобы мне оказали льготу, в которой не отказано Гатцуку[23]: тот издает без цензуры[24]. Я почувствовал бы себя глубоко униженным и оскорбленным[25], когда бы мне в этом отказали; а потому официальной просьбы пока не подаю, не ощупав почву. Сам Вяземский ничего против не имеет; но как посмотрит министр?[26] Как, в частности, посмотрит и К.П. Победоносцев?[27] Покуда я к нему не пишу, потому что знаю, что он на меня вообще в последнее время гневается, а потом неоднократно прямо мне выражал, что для спасения России требуется истребить все газеты, что в них все зло[28]. Обращаюсь поэтому к Вашему Превосходительству: не поможете ли Вы мне в разведке[29] почвы и предуготовлении кого нужно к моему прошению.

С чувством истинного уважения

Ваш усердный слуга

Н. Гиляр⟨ов⟩-Плат⟨онов⟩

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Печатается по *копии Ш.*: РНБ. Ф. 847. № 496. Л. 5–6; черновой автограф: ГЛМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 20. Л. 1–4.

[2] Датируется по упоминаемому в тексте письму Гилярова к кн. П.П. Вяземскому от 10 сентября 1882 г. (см.: Приложение, письмо 1).

[3] Николай Николаевич Дурново – публицист консервативного направления, редактор еженедельной московской газеты "Восток" (1879–1886); печатался в "Русском труде" и "Санкт-Петербургских ведомостях". Совместно с Гиляровым издал в Лейпциге серию брошюр под общим названием "Нечто о Русской церкви в обер-прокурорство К.П. Победоносцева" (1887–1889).

[4] Первоначально в автографе было (позже зачеркнуто): "...я крайне нуждаюсь" (л. 1).

[5] В черновике вместо этого слова: "то" (там же).

[6] "Русские ведомости" – московская газета, основанная прозаиком Н.Ф. Павловым в 1863 г., после смерти которого (1864) редактором предполагалось назначить Гилярова, но он отказался; при редакторе-издателе Н.С. Скворцове (1866–1882) стала либерально-буржуазным органом. С 1868 г. выходила ежедневно.

[7] Имеется в виду ежедневная московская газета "Русский курьер" (1879–1889, 1891), основанная Е.М. и В.Н. Селезневыми; с 1880 г. издатель-редактор фабрикант Н.П. Ланин. Придерживалась либерально-буржуазного направления.

[8] В черновике вместо это слово надписано над зачеркнутым: "Кого имели..." (л. 1).

[9] В черновике далее было зачеркнуто: "...меня очень занимающие..." (там же).

[10] В черновике далее было зачеркнуто: "...с безуспешностью, которой..." (л. 2).

[11] Возможно, Гиляров в первую очередь имеет в виду юмористические издания вроде московского еженедельника "Развлечение" (основан в 1859 г. Ф.Б. Миллером; в 1881–1885 гг. редактор А.В. Насонов). См. помещенный в нем развязный фельетон, высмеивающий одну из передовиц Гилярова (⟨*Вашков И.А.*⟩.

Беседы мичмана Жевакина с публикой. Беседа пятнадцатая // Развлечение. 1872. № 17. 6 мая. С. 267–268) и карикатуру на него (Там же. 1872. № 21. 3 июня. С. 328).

[12] 25 сентября 1882 г. Гиляров делился с кн. Н.В. Шаховским, служившим в тот период чиновником особых поручений при министре внутренних дел, сходными мыслями: «...я желал бы издавать *еженедельную иллюстрированную газету*, вроде "Нивы", но с национальным направлением. Иллюстрированные издания идут шибко, но все они а) или одушевлены одною барышническою целию и больше ничем, или б) потворствуют развратным нравам, а то и еще хуже – прямо революционерам» (РНБ. Ф. 847. № 502. Л. 5). Не исключено, что в последнем случае подразумевается петербургский еженедельник "Всемирная иллюстрация" (в 1869–1885 гг. издатель-редактор Г.Д. Гоппе). 25 июля 1881 г. (№ 655. С. 920) здесь была помещена злая карикатура на Каткова, И. Аксакова и Гилярова, а 23 января 1882 г. (№ 680. С. 78) гиляровская газета называлась "ретроградным органом", причем ее "слишком большое значение" объяснялось тем, что "Москва постоянно была притоном квасных патриотов, поклонников разных Корейш и Марфуш и врагов европейского прогресса..." (Упоминаются почитавшиеся московскими обывателями в 1840–1860-х годах юродивые Иван Яковлевич Корейша и Марфа Герасимовна.)

[13] В черновике далее следовало (позже вычеркнутое): "и думаю, что еще не исчез в России..." (л. 2).

[14] Имеются в виду чрезвычайно жесткое положение Комитета министров "О временных мерах относительно периодической печати", Высочайше утвержденное 27 августа 1881 г. и фактически сводящее на нет привилегию предварительной цензуры, которая, по словам современника, "превращалась в сплошной трагический анекдот, напоминавший Николаевскую эпоху ⟨...⟩ загоняя русскую печать в ⟨...⟩ духовную тюрьму..." (*Розенберг В.А.* Против течения // На чужой стороне. ⟨Берлин⟩, 1923. № 3. С. 196).

[15] "Московский листок" – ежедневная газета, с 1881 г. издававшаяся Н.И. Пастуховым, до того времени ведущим фельетонистом и репортером "Современных известий". 25 сентября 1882 г. Гиляров писал кн. Н.В. Шаховскому: "Дела мои стеснены: Пастухов отнял у меня 30 000 рублей, то есть подписчиков на эту сумму" (РНБ. Ф. 847. № 502. Л. 5). В письме к публицисту И.Ф. Романову-Рцы от 13 ноября 1886 г. Гиляров называет эту газету "уличным листком", который льстит "грязным вкусам публики" ("Многое тут разбросано искрами глубокой мысли..." С. 280).

[16] Это слово надписано над зачеркнутым в черновике: "Они, без сомнения, останутся..." (л. 3).

[17] Арендовавшиеся у Московского университета (позже напрямую у Министерства народного просвещения) "Московские ведомости" (в 1850–1855, 1863–1887 гг. издатель-редактор М.Н. Катков) обладали хорошим бюджетом, надежно обеспеченным казенными объявлениями.

[18] По новым правилам, после временной приостановки даже бесцензурной газеты, которое допускалось теперь без возбуждения судебного преследования, каждый ее номер необходимо было представлять в цензурный комитет накануне дня выхода в свет (см.: Полный свод законов. ⟨3-е собрание⟩. СПб., 1886. Т. II. С. 390), чем фактически возобновлялась процедура предварительной цензуры.

[19] Первоначально в черновике далее следовало (позже зачеркнуто): "поддер⟨жки⟩" (л. 3).

[20] Уже в марте 1884 г. Гиляров, находясь в безвыходном положении, было совсем решился прекратить издание "Современных известий" и заготовил объяснительное обращение к подписчикам (см.: РНБ. Ф. 847. № 277. Л. 1–5).

[21] Первоначально вместо этих слов были зачеркнутые варианты: "[Новую газету] Предполагаемая газета…" (л. 3).

[22] Письмо от 10 сентября 1882 г. (см. Приложение, письмо 1). Князь Павел Петрович Вяземский (1820–1888) – сын поэта; филолог, историк; сенатор, камергер, дипломат; с 5 апреля 1881 г. по 1 января 1883 г. начальник Главного управления по делам печати.

[23] Гиляров неприязненно относился к публицисту и издателю Алексею Алексеевичу Гатцуку (1832–1891), а тот отвечал ему нескрываемой враждебностью и позже, вымещая какие-то свои личные обиды, поместил в своем иллюстрированном еженедельнике "Газета А. Гатцука" (1875–1890) злопыхательскую заметку о мемуарах Гилярова "Из пережитого", написанную в недопустимо развязном тоне (см.: ⟨*Гатцук А.А.*⟩. Воспоминания // Газета А. Гатцука. 1884. 18 авг. № 32. С. 528).

[24] Изначально "Газета А. Гатцука" была подцензурным изданием, но в 1882 г., по протекции М.Н. Каткова, получила разрешение издаваться без цензуры. Однако Гатцук в погоне за популярностью у читателя резко изменил курс издания, помещал статьи радикального содержания, и с 1888 г. газету вновь подчинили предварительной цензуре.

[25] Отсылка к названию романа Достоевского – возможно, невольная.

[26] Имеется в виду министр внутренних дел (с 30 мая 1882 г.) гр. Дмитрий Андреевич Толстой (1823–1889). Когда он в 1865–1880 гг. был обер-прокурором Св. Синода, Гиляров под его началом служил управляющим Московской Синодальной типографией (1863–1868).

[27] Победоносцев в тот период (в 1880 г. он занял пост синодального обер-прокурора) был принципиально против предоставления разрешений на новые издания. 14 февраля 1882 г. он писал тогдашнему министру внутренних дел гр. Н.П. Игнатьеву: "Знаю, что проповедую в пустыне, однако не могу все-таки умолчать. Ваше дело слушать или не слушать. Или мало еще лжи и разврата распространяется у нас существующими журналами и газетами? К чему, как не к усилению этого зла может послужить открытие новых? Ведь газета стала ныне одним из жидовских гешефтов, и нет безграмотного жиденка, который не мечтал бы о подобном предприятии. Между тем беспрестанно читаешь о разрешении новых газет" (Былое. 1924. № 27/28. С. 71).

[28] Ср. сетование Победоносцева в его письме к Гилярову от 14 ноября 1883 г.: "В который раз приходится мне, достопочтеннейший Никита Петрович, с грустью видеть Вас в атмосфере газетного мира. Нет сплетни, как бы ни была она невероятна, которая в этом болотном тумане не получила бы хода" (РНБ. Ф. 847. № 578. Л. 18).

[29] В черновике вместо этого слова было иноязычное: "зондировке" (л. 4).

6

Филиппов – Гилярову[1]

Многоуважаемый Никита Петрович!

"Хоть шерсти не продаем, а приходу рады!"[2] Дурново пригрезилось, должно быть в сонном видении, будто бы я имею кого-то в виду для сообщения Вам телеграмм. Никого не имею, но поискать могу. "Осмотримся!" – вещает Гедеон[3]. Только вот горе! Я не знаю, что в сем случае дорого и что дешево. Не напишете ли Вы о Ваших требованиях и о Ваших условиях? Тогда можно было бы скорее сговориться. С «Курьером" кое Вам общение? Итак, буду ожидать.

Относительно издания "Иллюстрированной газеты" никакого совета подать Вам не могу, ибо в расчетах торговых в рассуждении изданий никакой опытности не имею. Конечно, Вы предпринимаете издание в очень трудное время; но, может быть, Вам и окажут доверие, на которое Вы имеете полное право. Мне кажется, что новое постановление о печати истекло из таких намерений, которые направлены прямо на врагов правительства и народа, и в настоящую минуту едва ли есть основание опасаться за себя тем писателям, которые, сохраняя благородную независимость суждений, не отравляют их тлетворною примесью безверия, безнравственности и безначалия. Таковы, повторяю, намерения; но что окажется в действительности, о том узнаем из "хотящих быти вскоре"[4]. О гр. Толстом сказать Вам ничего не могу, ибо его очень трудно видеть; Царя легче. Победоносцев, действительно, очень озлоблен на газеты; человеку, уважающему что-либо, нельзя и не озлобиться. Разве оставлено что-нибудь во вселенной, чего бы не осквернило прикосновение газетного суждения? Я глубоко убежден, что газеты вообще, везде и всюду, составляют одно из могущественнейших орудий разложения христианских общежитий. После жида им принадлежит в этом деле первое место. Но потому-то Правительству до крайности нужно если не поддерживать, то, по крайней мере, уважать и оставлять в покое и на свободе такие издания, которые именуют Имя Божие[5] и брань творят со змием[6]. Я не могу Вам обещать многого; но, что имею, даю Вам: на кого можно будет подействовать, постараюсь сие сотворить! "Аще ли же не имаши и не даси, ничтоже тебе!"[7]

Искренно уважающий и преданный Вам
Т. Филиппов

Спб. 19 сент⟨ября⟩ 1882. Невский, 75/2[8]

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Печатается по автографу: РНБ. Ф. 847. № 713. Л. 4–5 об.; копия Г.: там же. № 714. Л. 4, 5.

[2] Цитируется реплика Арины Пантелеймоновны из гоголевской "Женитьбы" (д. 1, явл. 19): "Прошу, прошу, Алексей Дмитриевич; хоть шерсти не продаем, а приходу рады" (*Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: ⟨В 14 т.⟩. ⟨Л.⟩, 1949. Т. V. С. 32).

[3] Источник цитаты (встречающейся и в переписке Филиппова с другими его корреспондентами) установить не удалось; возможно, это какая-то литературная обработка ветхозаветного сюжета о знаменитом израильском судии Гедеоне (Суд. 6–8).

[4] Сходные выражения см. в Новом Завете: Лк. 21: 36; Откр. 1: 1.

[5] Ветхозаветное выражение (ср.: 2 Пар. 7: 14; Ис. 63: 19; 65: 1).

[6] Апокалипсическая реминисценция: Откр. 12: 17; 17: 14.

[7] Возможно, здесь скотаминированы евангельские выражения (ср.: Ин. 19: 11; Мф. 27: 19).

[8] Дом, где Филиппов снимал квартиру, находился на углу Невского проспекта и Пушкинской улицы.

7

Гиляров – Филиппову[1]

Милостивый Государь,
многоуважаемый Тертий Иванович.

Вам письмо подаст мой соредактор[2], автор сочинения "XV лет крамолы"[3], Федор Александрович Гиляров. Он переселяется к Вам в Петербург, где ему предлагают кафедру в Филологическом институте[4]. Не откажите ему в той благосклонности, какою имею честь пользоваться от Вас я. В Петербурге у него пока нет, кажется, ни души знакомой.

На днях я Вам послал письмо. Вероятно, Федор Александрович узнает от Вас, в какой мере я могу надеяться на успех своих замыслов, о которых я имел честь Вам сообщать[5].

С истинным уважением имею честь быть Вашим
усерднейшим слугою

Н. Гиляров-Платонов.

Москва
19 сентября 1882.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Печатается по автографу: РНБ. Ф. 847. № 497. Л. 1–1 об.

[2] Ф.А. Гиляров (1841–1895) – племянник Никиты Петровича (сын его старшего брата, священника А.П. Гилярова), филолог, педагог, мемуарист, публицист и издатель; автор многих учебных пособий, соредактор "Современных известий" в 1878–1883 гг.

[3] Имеется в виду серия статей Ф.А. Гилярова о революционном движении в России, составленных "по обнародованным материалам" судебных процессов и печатавшихся начиная с апреля 1881 г. в «Современных известиях" в качестве фельетонов. Статьи эти впоследствии были собраны в книгу "15 лет крамолы (4 апреля 1866 г. – 1 марта 1881 г.)" (М., 1883. Т. I, ч. I. ⟨4⟩, XVI, 324, IV с.), отпечатанную в количестве 3000 экземпляров и подвергшуюся цензурному запрету ввиду "исключительной важности предмета книги и его щекотливости" (Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати. М., 1971. Ч. I. С. 149).

[4] Историко-филологический институт был учрежден в Петербурге в 1867 г. со особой целью готовить преподавателей гуманитарных дисциплин для гимназий. Ф.А. Гиляров был приглашен сюда на службу в связи с тем, что оставлял службу в институте 75-летний ординарный профессор А.Д. Галахов (он вскоре, 14 ноября 1882 г., скончался). Однако назначение Ф.А. Гилярова по каким-то причинам не состоялось: 7 октября кафедру русской словесности занял инспектор института Н.П. Некрасов, а исправляющим должность экстраординарного профессора стал магистр Александровского лицея И.Н. Жданов (см.: Памятная книжка Императорского С.-Петербургского историко-филологического института и гимназии при оном, 1867 – XX – 1887. СПб., 1887. С. 44, 45).

[5] См. в письме 5 просьбу Гилярова походатайствовать о разрешении ему издавать иллюстрированную газету.

8

Филиппов – Гилярову[1]

Многоуважаемый Никита Петрович!

Как ни старался повидаться я с известным Вам человеком, от которого зависит исход дела[2], но успеха мои усилия не имели. Он подражает восточным деспотам, которые намеренно скрывались от человеческих взоров, чтобы не дать себя разглядеть. Кто знает, может быть, он и прав!

Поневоле мне приходится оставить Вас без моей помощи, что́ мне очень неприятно. Посылаю Вам книжечку, озаглавленную "Записка о народных училищах"[3]. Это мое очень давнее произведение, о котором я было совсем забыл; а теперь она пригодилась[4]. Тут и Вас я цитую[5].

Что же это значит, что не только Чичерин[6], но и Самарин[7], "яко благочестивого корене"[8], поддерживают б⟨арона⟩ Корфа[9]. К лицу ли Дмитрию Федоровичу такая роль?

Мне кажется, что против их скопа следовало бы устроить свой из людей, чтущих Бога, Церковь и народную свободу. Куме! Ратуйте![10]

Ваш искренний[11] *Т. Филиппов*

Спб. 16 окт⟨ября⟩ 1882.

Иоанникий испугался, что его сочтут за клерикала:[12] нет, брат! шалишь. Не по чину берешь! Феофаново семя[13] – это так!

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Печатается по автографу: РНБ. Ф. 847. № 713. Л. 6–7; копия Г.: Там же. № 714. Л. 6.

[2] Подразумевается гр. Д.А. Толстой, от которого напрямую зависело разрешение новых изданий. 20 ноября 1882 г. Главным управлением по делам печати Гилярову было позволено издавать иллюстрированный еженедельный журнал "Радуга". 10 января 1883 г. увидел свет его первый номер. Попытка Гилярова привлечь к участию в нем знаменитых литераторов (см., например, его письмо к Я.П. Полонскому: ИРЛИ. Сигн. 12 017. Л. 1) не увенчалась успехом: у него не было возможности платить достойные гонорары. В журнале печатались только писатели второго ряда – В.А. Гиляровский, Д.С. Дмитриев, А.В. Круглов, Д.А. Мансфельд и др. Не оправдались и надежды на хорошую подписку – еженедельник приносил убытки. В последнем номере за 1883 г. Гиляров, прощаясь с читателями, напоминал об идейной миссии своего журнала в эпоху общественных неурядиц: «"Радуга" зачата с целию удовлетворения потребности ⟨...⟩ пойти с площади в семью, с политической арены в храм муз. Мы хотели представить издание, в котором бы отец и мать, сын и дочь – каждый нашли бы свое» (⟨*Гиляров-Платонов Н.П.*⟩. К читателям // Радуга. 1883. № 48. С. 1087–1088). Уже с нового, 1884 г. "Радугу" издавал Л.М. Метцль, а редактировал Д.А. Мансфельд.

[3] ⟨*Филиппов Т.И.*⟩. Записка о народных училищах. СПб.: В Синодал. тип., 1882. ⟨4⟩, 48 с.

[4] Филиппов имеет в виду широкое обсуждение в русской печати состояния начального духовного образования (в связи с проблемами профилактики и искоренения политического радикализма), определенный итог чему был подведен публикацией в 1884 г. Высочайше утвержденных "Правил о церковноприходских школах"

[5] Цитатам из "записки" Гилярова "О первоначальном обучении народа" (1862), опубликованной в свое время анонимно, а впоследствии – также без указания автора – дважды перепечатывавшейся, в брошюре Филиппова предпослана комплиментарная оценка Гилярова, но его имя опять-таки не названо: "В народе, говорит один из замечательных наших писателей, существует особое воззрение на грамотность..." (с. 14). Переиздавая же эту свою работу в итоговом "Сборнике" (СПб., 1896), Филиппов в подстрочных примечаниях сообщил фамилию Гилярова (см. с. 139, 159).

[6] Видный правовед, философ и деятель земского движения Борис Николаевич Чичерин (1828–1903), в то время (1882–1883) московский городской голова, после кончины заведовавшего московскими городскими народными училищами П.Е. Басистова вызвал Н.А. Корфа (см. прим. 9 к наст. письму) в Москву для баллотировки на этот пост. Однако вскоре (18 октября) из-за ряда статей против Корфа в консервативной прессе обеих столиц, где последнего именовали "представителем немецкой педагогии", "материалистом", "противником Закона Божия", Чичерин под давлением членов городского самоуправления попросил Корфа снять свою кандидатуру (см.: *Песковский М.Л.* Барон Николай Александрович Корф в письмах к нему разных лиц. СПб., 1895. С. 252–253).

[7] Дмитрий Федорович Самарин (1831–1901), общественный деятель, гласный московского земства; писатель, издатель, брат Ю.Ф. Самарина. Впрочем, кандидатуру Корфа поддерживал и один из старших славянофилов – А.И. Кошелев (см.: там же. С. 254).

[8] Этими словами начинаются некоторые праздничные тропари (хвалебные песнопения), в частности – святому благоверному князю Александру Невскому ("Яко благочестивого корене пречестная отрасль был еси, блаженне Александре...") и благоверным князю Петру и княгине Февронии Муромским ("Яко благочестивого корене пречестная отрасль был еси, добре во благочестии пожив блаженне Петре, тако и с супружницею твоею, премудрою Февронией...").

[9] В тот же день, каким датируется настоящее письмо, об "утилитарной мето́де" либерального педагога и общественного деятеля барона Николая Александровича Корфа (1834–1883) высказался в передовице своей газеты "Русь" И.С. Аксаков, единомышленник Филиппова и Гилярова в этом вопросе. Аксаков писал: «...с недоверчивостью отнесется он (крестьянин. – *А.Д.*) к школе, по возвращении из которой его мальчишка на вопрос: чему его там научили? – расскажет ему пустейшую побасенку или же такую и подобную ей премудрость, выдаваемую за "науку", что "у овцы есть шерсть", что "у коровы четыре ноги" ⟨...⟩. А ведь этими пустяками, возведенными в мето́ду, преисполнены, вместе с изображениями "самки" и "самца"; блохи и других, неудобоназываемых "животных", даже книги такого почтенного и горячо преданного делу народного образования педагога, как барон Корф! Конечно, в его руководствах есть и хорошие страницы, не все посвящено одной задаче "утилитаризма", но и самый идеализм, вне положительной церковной основы, едва ли к чему пригоден – именно в деле народного обучения» (*Аксаков И.С.* Об основах и типе народной школы // Собр. соч.: ⟨В 7 т.⟩. М., 1886. Т. IV. С. 732).

[10] Спасайте! (цркcл.).

[11] Зд.: ближний (цркcл.).

[12] Митрополит Иоанникий (в миру Иван Максимович Руднев; 1826–1900) занимал Московскую и Коломенскую кафедру в 1882–1891 гг. И Филиппов, и Гиляров крайне негативно оценивали его деятельность (проведение в храмах в Великий пост духовных концертов вместо служб, назначение священников в приходы вопреки пожеланиям паствы, окружение себя излишней роскошью и др.), полагая, что ею нередко оскорбляются религиозные чувства москвичей. Гиляров развернуто критиковал Иоанникия в своей книге "Нечто о Русской церкви в обер-прокурорство К.П. Победоносцева" (Лейпциг, 1887. Вып. I).

[13] Отсылка к сподвижнику Петра I архиепископу Феофану (в миру Элеазар Прокопович; 1681–1736), главе Ученой дружины, автору "Духовного регламента" (1721), который лег в основу Синодального управления Церковью.

9

Гиляров – Филиппову[1]

Апреля 9 дня 1885 г.

Высокоуважаемый Тертий Иванович!

Честь имею препроводить Вашему превосходительству корреспонденцию из Тифлиса[2], за которую газета моя приостановлена на целый месяц[3]. Такой тяжелой каре я еще ни раза не подвергался в течение 17 лет. Самая долгая приостановка ограничивалась тремя неделями, а то и десятью днями[4]. Может быть, с моей

стороны было и неосторожно помещать эту корреспонденцию, но 1) она не восстает против школьной дисциплины, а нарушенный мною циркуляр[5], помнится, только то и имел в виду; 2) событие, о котором повествуется, уже было описано в газетах, именно в «Голосе Москвы"[6]; настоящая корреспонденция только освещает факт; 3) цель ее – вызвать ревизию Тифлисской семинарии, о чем она прямо и просит. Что тут преступного? Не вполне ли это благонамеренно?[7]

Умоляю Вас, многоуважаемый Тертий Иванович, представьте вышеписанные соображения на усмотрение Евгения Михайловича[8] и походатайствуйте о сокращении срока приостановки. Мне кажется, даже десять дней приостановки было бы взысканием слишком строгим по степени проступка и по предшествующим примерам.

С истинным почтением честь имею быть

Вашим покорным слугою

Н. Гиляров-Платонов

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Печатается по автографу: ИРЛИ. Сигн. 9112. Л. 5–5 об. Письмо на бланке с напечатанным в верхнем левом углу текстом: «Ежедневная газета "Современные известия". Москва».

[2] *К.К.* Из Тифлиса // Современные известия. 1885. 2 апр. № 88. С. 1. Эта корреспонденция, датированная 19 марта, выделена в газете особым образом, так как занимает весь "фельетонный подвал" первой страницы. В ней рассказывается о неоправданно жестоких, унижающих личное достоинство воспитанников, порядках в Тифлисской духовной семинарии, приведших к тому, что доведенный до отчаяния один из семинаристов – заканчивавший курс Сильвестр Джибладзе (в статье он назван Финбладзе) – 12 марта напал на ректора протоиерея П.И. Чудецкого (см. прим. 2 к письму 10) и избил его. Общее сочувствие, по утверждению корреспондента, оказалось тем не менее на стороне Джибладзе, несмотря на его "зверский" поступок. Суть конфликта в том, что у Джибладзе, лежавшего в семинарской больнице с "опасной опухолью на ноге", инспектор нашел какую-то книгу Н.В. Шелгунова и захотел ее изъять. Тот отказался отдать, так как книга была одолжена "на стороне у знакомого". Через неделю, 9 марта, Финбладзе был исключен из семинарии и, как лицо уже постороннее, выброшен на улицу из больницы. Он вырос без отца и был единственной надеждой матери и сестер, бедствовавших в горной деревушке. Вся корреспонденция, таким образом, была проникнута состраданием "к больному сироте, доведенному до дикой выходки крайнею бестактностию и бессердечием своего начальства..." В статье обнародовались и другие случаи бесчеловечного отношения ректора к своим воспитанникам. Положение усугублялось и "форменной войной", которую вели между собой ректор П.И. Чудецкий и инспектор семинарии Я.С. Степанов и от которой в первую очередь страдали воспитанники.

[3] "Распоряжение управляющего Министерством внутренних дел" об этой мере, напечатанное многими газетами, гласило: «На основании ст. 56 Прилож⟨ения⟩

к ст. 4 (прим.) Уст⟨ава⟩ ценз⟨уры⟩, Св⟨ода⟩ зак⟨онов⟩, т. XIV, по прод⟨олжению⟩ 1876 года, управляющий Министерством внутренних дел определил: за нарушение в № 88 газеты "Современные известия" распоряжения, объявленного редакторам бесцензурных повременных изданий 29-го октября 1882 года, приостановить издание этой газеты на один месяц» (Новости и Биржевая газета. 1885. 6 апр. № 95. С. 3). В официальном "Правительственном вестнике" это сообщение появилось днем позже: 7 апр. № 75. С. 1.

[4] Имеется в виду приостановка издания по распоряжению министра внутренних дел от 11 апреля 1874 г.: «Принимая в соображение, что статья "Причины неудобных налогов", напечатанная в № 87 газеты "Современные известия", возбуждает враждебные отношения низших классов общества к высшим, – министр внутренних дел, на основании ст. 29 главы II Высочайше утвержденного 6 апреля 1865 г. мнения Государственного совета и согласно заключению Совета Главного управления по делам печати *определил*: объявить третье предостережение газете "Современные известия", в лице издателя-редактора статского советника Гилярова-Платонова, и приостановить издание оной на три недели» (Современные известия. 1874. № 100, 5 мая. С. 1). Автор инкриминированной статьи подписался криптонимом "В. П-ский" (возможно, это постоянный корреспондент газеты В.Ф. Пелешевский). № 99 датирован 13 апреля 1874 г., а № 100 – 5 мая; следовательно, газета, действительно, не выходила в течение 3 недель.

[5] Циркуляр министра внутренних дел от 29 апреля 1882 г.

[6] Речь идет о двух корреспонденциях "Из Тифлиса" (автор скрыл свое имя под криптонимом "Х.") – от 13 и 23 марта (Голос Москвы. 1885. № 80, 21 марта. С. 4; № 86. 30 марта. С. 4), в которых представлена, однако, "официальная" версия избиения 24-летним семинаристом Джибладзе "деятельного и трудолюбивого" ректора протоиерея П.И. Чудецкого – с явным сочувствием к последнему и резким осуждением виновника происшествия: "Семинарист, схватив отца ректора за волосы, повалил его, бил ногами, тащил бедного по ступенькам лестницы со второго этажа на нижний. Так как ученики и учителя все были в классе, то дикий имеретин долго и беспрепятственно свирепствовал над неповинною жертвой" (№ 80. С. 4). См. также: Высочайшее повеление о наказании ученика Тифлисской семинарии // Там же. 1885. № 98. 11 апр. С. 3.

[7] Гиляров имеет в виду окончание корреспонденции К.К., которое, однако, чувствительно затрагивает экзарха: "Вообще нынешнее состояние Тифлисской духовной семинарии требует тщательной ревизии со стороны полномочного, беспристрастного и проницательного лица, могущего сказать всю правду, если бы она оказывалась горькою хотя бы для самого епархиального начальства" (*Х.* Из Тифлиса // Голос Москвы. 1885. № 86, 30 марта. С. 4).

[8] Е.М. Феоктистова (1828–1898), в тот период (1883–1896) начальника Главного управления по делам печати; литератора, мемуариста. Из его переписки с К.П. Победоносцевым видно, что кара постигла гиляровскую газету по настоянию последнего. 3 апреля 1885 г. он писал Феоктистову: «Посмотрите в нынешнем 88 № фельетон. Он очевидно писан с тем же расчетом, представляя в виде предосудит⟨ельном⟩ для начальства крайне возмутительную историю мерзавца Джибладзе, исключенного из заведения: он бросился на ректора, повалил его, таскал за волосы и пр. ⟨...⟩ Рассудите, какой вред приносят подобные статьи, рассчитанные на возбуждение неповиновения начальству, и без того уже эпидемически распространившегося, особенно на Кавказе. Признаюсь, когда бы от меня зависело, я не задумался бы дать "Современным известиям" предостережение за помещение такой статьи, хотя бы в острастку другим»

(Литературное наследство. Т. 22/24. С. 517). Гиляров узнал об этом и позже жаловался своему общему с Победоносцевым знакомому И.П. Корнилову (видному чиновнику Министерства народного просвещения) в письме к нему от 20 августа 1887 г.: "Победоносцев хотя и старый мой приятель и бывший всегдашний мой ходатай пред властями, теперь имеет против меня зуб. ⟨...⟩ Раз газета моя была приостановлена именно по ходатайству Победоносцева. Это было, когда при покушении на ректора Тифлисской семинарии у меня была помещена корреспонденция, советовавшая обратить и на другую сторону внимание. Благоразумие совета оправдалось последствиями, как Вам известно: ректора потом и убили; но газету тогда все-таки приостановили" (РНБ. Ф. 377. № 592. Л. 5–5 об.). Жестокое убийство протоиерея П.И. Чудецкого семинаристом-сиротой И.Я. Лагиевым, так же как и Джибладзе отчисленным из семинарии незадолго до ее окончания по случайному поводу (за найденную в его личных вещах книгу А.Ф. Писемского и дневник), широко освящалось в газетах. См.: Дело об убийстве ректора Тифлисской духовной семинарии, протоиерея П. Чудецкого // Новое обозрение. ⟨Тифлис⟩, 1886. № 856, 17 июля. С. 1–2; № 857, 18 июля. С. 2. Гиляров, перепечатав в своей газете эту пространную "судебную хронику", снабдил ее "дипломатическим" заголовком "Двадцатилетний изверг", хотя очевидно, что он сочувствовал не только жертве, но и отчасти доведенному до умоисступления молодому убийце (Современные известия. 1886. № 174, 27 июня. С. 2; № 178, 1 июля. С. 2). См. также передовую статью Гиляров по этому поводу (там же. 1886. № 151, 4 июня. С. 1–2).

10

Филиппов – Гиляров[1]

Многоуважаемый
Никита Петрович!

Хлопотал со всеусердием, ибо имею сведения о ректоре самые неблагоприятные; довольно сказать, что это избранник Преосв⟨ященного⟩ Павла[2]. Но поступок ученика в свою очередь таков, что ему никакого нет извинения. Я и писал к Евгению Михайловичу, и лично просил его; но принужден был с ним согласиться, что ему невозможно поднимать этого дела, на которое обращено внимание Государя[3]. Кроме личного моего участия к Вам, я дорожу Вашим изданием, как прибежищем пригнетенной истины в делах Церкви, которая из глубины потопляющих ее зол[4] вопиет к нам о помощи, обязательной для чад во дни бедственных испытаний Матери. Мне одно больно видеть в Вашем образе мыслей: в тех случаях, когда два начала – церковное и племенное – входят в столкновение, Вы отдаете перевес низшему над высшим и чрез то впадаете в общий недуг нашего времени, *порабощенного* идее народности до забвения того, что выше ее. Может ли это быть Вами сознано? Или сгиб Вашей мысли, издавна сложившийся, не разгладится?

Не позволил бы я себе таких замечаний, если бы не такая минута! Между нашим Послом и Патриархом была беседа, в которой слово "разрыв" осмелилось из глубины помышлений выйти наружу[5]. Кто же отвратит находящую беду? Стоящих у кормила Вы знаете, – знаете и их слепоту, и упорство в заблуждениях. Увы нам! Церковь погибнуть не может: да ся пенит море и бесит! Корабля бо Иисусова потопити не может![6] Но что будет с Россиею?

Ваш искренний *Т. Филиппов*

Спб. 16 апр⟨еля⟩ 1885

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Печатается по автографу: РНБ. Ф. 847. № 713. Л. 8–9 об.; копия Г.: Там же. № 714. Л. 7, 8.

[2] Гиляров, как и Филиппов, осуждал владыку Павла (в миру Петр Васильевич Лебедев; 1827–1892) за элементы насильственной русификации в его архиерейской деятельности. Он писал в 1887 г.: "К сожалению, русские иерархи, поставляемые в Грузию и Бессарабию, почти что совсем уничтожили в церквах грузинских и молдавских древние обряды, стараясь навязать им обряды господствующей Русской церкви. В этом особенно подвизался известный архиепископ Павел, бывший Кишиневский, ныне же экзарх Грузии". И далее: "Действия архиепископа Павла в Бессарабии и Грузии были таковы, что если бы собрать собор из честных, справедливых, ревностных и приверженных Церкви архипастырей, то они единогласно решили бы его извергнуть из священного сана, лишить архиерейства и сослать на острова Белого моря, в какой-либо из скитов Соловецкого монастыря" (*Р.С.Т. ⟨Гиляров-Платонов Н.П.⟩*. Нечто о Русской церкви в обер-прокурорство К.П. Победоносцева. Вып. 1. С. 14, 64). Кишиневскую кафедру Павел занимал с июня 1871 г., экзархом Грузии и архиепископом Карталинским и Катехинским служил с июля 1882 по начало 1887 г., затем, опасаясь мести со стороны грузин, пребывал в Петербурге, пока в сентябре 1887 г. не получил Казанскую кафедру. Протоиерей Павел Иванович Чудецкий (1845–1886) был инспектором Кишиневской семинарии (с 1878 по 1883 г.), когда Кишиневскую епархию возглавлял архиепископ Павел, затем тот перевел о. Павла в Тифлис. В некрологе Чудецкому отмечалось: "...крепко любил покойного первосвятитель Грузии, высокопреосвященнейший Павел, и отличал всегда достойного мужа и незаменимого своего сотрудника" (Некролог отца ректора Тифлисской духовной семинарии протоиерея Павла Ивановича Чудецкого († 24-го мая 1886 года). Тифлис, 1886. С. 4).

[3] В упоминавшемся письме к Феоктистову от 3 апреля 1885 г. Победоносцева сообщал: "История такова, что три дня тому назад испрошено мною Выс⟨очайшее⟩ повеление – отдать Джибладзе на 2 года в дисциплинарный баталион военного ведомства. ⟨...⟩ Прибавлю, что доклад о принятии меры против Джибладзе был сделан по соглашению с М⟨инистерством⟩ вн⟨утренних⟩ дел М⟨инистерством⟩ нар⟨одного⟩ просв⟨ещения⟩" (Литературное наследство. Т. 22/24. С. 517). См. также официальное известие: "По докладе о сем Его Императорскому Величеству Государь Император 29 минувшего марта Высочайше повелеть соизволил: отдать Сильвестра Джибладзе на исправление в один из дисциплинарных батальонов военного ведомства, по усмотрению главноначальству-

ющего гражданскою частию на Кавказе сроком на два года…" (Церковно-общественный вестник. 1885. № 37, 5 июня, С. 7).

[4] Традиционный образ церковных песнопений и святоотеческой литературы. См., например: "…восставишь падшего и душу его, потопляемую ⟨…⟩ возведешь из глубины зла…" (Святого Отца нашего Иоанна Златоустого Беседы на Книгу Бытия, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской духовной академии: ⟨В 3 ч.⟩. СПб., 1853. Ч. III. С. 44).

[5] Об этих переговорах в русской печати не сообщалось; видимо, Филиппов узнавал о них приватным образом – через знакомых дипломатов. Посол в Константинополе в 1883–1897 гг. – Александр Иванович Нелидов (1835–1910). Константинопольский патриарх в 1884–1886 гг. – Иоаким IV (Коккодис).

[6] Слова св. Иоанна Златоуста, сказанные во время созванного против него в 403 г. под Халкидоном собора "при дубе" (см.: *Лопухин А.П.* Жизнь и труды Святого Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского // Творения Святого Отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе: В 12 т. СПб., 1895. Т. I, кн. I. С. XCIII).

11

Филиппов – Гилярову[1]

Многоуважаемый
Никита Петрович!

Врачевахом Вавилона и не исцеле![2] Не могу ничего понять в политике нашего печатного дела и отныне замыкаю уста. Распоряжение последовало не от Евгения Михайловича[3]. Прикажите, сделайте милость, по получении моего письма сделать распоряжение о пересылке "Современных известий" во Ржев, на имя Марьи Ивановны Филипповой[4]. Если что нужно будет написать, потрудитесь адресовать до времени во Ржев.

От души преданный Вам
Т. Филиппов

Спб. 20 июня 1885.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Печатается по автографу: РНБ. Ф. 847. № 713. Л. 10–10 об.; копия Г.: Там же. № 714. Л. 9.

[2] Иер. 51: 9. В синодальном переводе: "Врачевали мы Вавилон, но не исцелился…" И далее: "…оставьте его, и пойдем каждый в свою землю, потому что приговор о нем достиг до небес и поднялся до облаков"

[3] Очевидно, речь идет о запрете розничной продажи, постигшей гиляровскую газету в то время.

[4] Жена Филиппова, урожд. Илакрионова (1836–1894). Во Ржеве, где родился Филиппов, у него был "камен⟨ный⟩ дом ⟨…⟩ на $^1/_2$ родовой, на $^1/_2$ приобретенный" (*Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи, 1802–1917: биобиблиогр. справочник. СПб., 2001. С. 691).

12

Филиппов – Гилярову[1]

Многоуважаемый Никита Петрович!

Очень озабочен Вашим делом и *буду помогать*[2]; но *помогу ли*, вот вопрос, который Вас занимает еще более, чем вопрос о моей готовности. Скроховский[3] думает, что моему влиянию нет границ; это можно сказать лишь о моем усердии. Завтра увижу Николаева[4] и о последствиях свидания напишу[5].

Ваш искренний *Т. Филиппов*
verte[6]

Спб. 9 сент⟨ября⟩ 1885.

Что скажете о экзаменных требованиях по юридическому факультету?[7]

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Печатается по автографу: РНБ. Ф. 847. № 713. Л. 11–11 об.; копия Г.: Там же. № 714. Л. 10.

[2] В то время – с 6 по 30 сентября 1885 г. – Филиппов в отсутствие своего начальника Д.М. Сольского временно управлял Государственным контролем (см.: *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи, 1802–1917: биобиблиогр. справочник. СПб., 2001. С. 692) и имел больше возможностей помочь Гилярову в его попытках получить кредит в Государственном банке.

[3] Константин Осипович Де-Скроховский (?–1906) – изобретатель "прибора для зарубания шпал", чиновник Государственного контроля, разоблачивший многие хищения в области железнодорожного строительства; позже автор антикатолических брошюр. О нем идет речь в письме Филиппова к чиновнику Министерства народного просвещения И.П. Корнилову от 15 апреля 1885 г.: "Дорогой Иван Петрович! Константин Осипович Де-Скроховский (не пугайтесь: он галичанин) представит Вам мое письмо и скажет Вам о сироте (Вл. Рафальском. – *А.Д.*), о приеме коего в Гатчинский институт я Вас недавно и *небезуспешно* просил. Он является за закреплением Вашего благодетельного обещания. Обнимаю Вас! Ваш искренний Т. Филиппов. 15 апр⟨еля⟩ 1885" (РНБ. Ф. 377. № 1190. Л. 31).

[4] Тайный советник Павел Никитич Николаев (1837–1895) в тот период (1881–1887) занимал пост товарища министра финансов и мог быть особенно полезен как раз в описываемое время, поскольку в отсутствие министра Н.Х. Бунге с 29 июня по 17 сентября 1885 г. управлял Министерством финансов (См.: *Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А.* Члены Государственного совета Российской империи, 1801–1906: биобиблиогр. справочник. СПб., 2007. С. 552).

[5] Это письмо, если оно и было написано, неизвестно. Но несомненно, что ходатайство Филиппова за приятеля не имело успеха. По свидетельству А.С. Суворина, передававшего в своем Дневнике содержание беседы с

П.Н. Никитиным (встреча датируется 28 февраля 1884 г.), Государственный банк, имея от прошлого правления "гнилых векселей" "на 65 миллионов", вел принципиально жесткую политику в отношении ссуд и займов. Николаев говорил о своем министре Н.Х. Бунге: "Ссуды казны он решительно прекратил. Вот уже три года как он твердо стоит на этом". При этом не помогало ничье ходатайство, не исключая и государя (см.: Дневник Алексея Сергеевича Суворина. 2-е изд., испр. и доп. London; М., 2000. С. 55). За полтора года до этого письма Гиляров искал поддержки у своего бывшего приятеля К.П. Победоносцева, которому писал 25 января 1884 г.: «Министр финансов, которому вчера я передал докладную записку, хотя не дал мне обещания, но и не совсем обезнадежил. Предварительно он намерен переговорить с И.Н. Дурново. Ваше слово гр. Толстому много будет значить. Кредит в той форме, в какой я первоначально предполагал и просил, оказался невозможным: так называемые "ссуды" Банк перестал выдавать еще с 1881 года. Но ужели же так и нельзя найти формы, под которою можно было бы оказать временное пособие человеку, имеющему все-таки обеспечение? Как-никак, газета моя публикациями дает ежегодно 20 000 р⟨ублей⟩» (РНБ. Ф. 847. № 463. Л. 1). Сохранились черновики двух писем Гилярова к Бунге, в которых он подробно описывает собственное финансовое положение и предлагает учитывать его соло-векселя, приняв в виде обеспечения "Современные известия" (там же. № 386. Л. 1–6).

[6] переверни, см. на обороте (*лат.*)

[7] "Экзаменные требования и правила о зачете полугодий", применительно к новому Университетскому уставу, печатались в то время в "Правительственном вестнике" (см. их всемерную поддержку в близкой Филиппову газете "Голос Москвы": 1885. 28 авг. № 172. С. 1). Они в полном объеме были перепечатаны Гиляровым в "Современных известиях" (с 27 августа по 7 сентября). Возможно, Филиппов хотел привлечь внимание приятеля к следующему пункту "Экзаменных требований ⟨...⟩ по факультету юридическому": "Для зачета студенту полугодия требуется ⟨...⟩ домашнее изучение источников и памятников права и действующих законодательств, а также ученых сочинений и руководств из числа назначаемых Министерством или одобряемых им по представлению факультета для обязательного изучения, с отдачею устного или письменного отчета в изучении преподавателям, по назначению факультета" (Современные известия. 1885. № 228, 7 сент. С. 3).

13

Филиппов – Гилярову[1]

Многоуважаемый
Никита Петрович!

Посылаю Вам ответ Е.М. Феоктистова на мое о Вас ходатайство[2]. Теперь я понимаю, почему Вы не могли догадаться о причине постигшей Вас казни[3]. Советую Вам обратиться к помощи благородного Князя Владимира Андреевича[4], который может воспользоваться присутствием гр. Д.А. Толстого в Москве[5] и убедить его в необходимости немедленного разрешения Ваших уз.

Своенравие цензурного ведомства стало невыносимо: когда оскорбляют Честнейшую Херувим[6] отрицательными суждениями о Ея приснодевстве и повергают в смятенное недоумение простые верующие души, цензура улыбается; а когда напечатают "Кобылу"[7], перепечатанную – кстати сказать, в львовском "Слове"[8], – тогда газету бьют. Кто же может догадаться, что́ дозволено и что́ отметно[9]. Я бы мог сам написать к князю Владимиру Андреевичу, но лучше Вам самим у него побывать; разрешаю, впрочем, Вам сказать Его Сиятельству, что я присоединяюсь к Вашей просьбе и усердно ходатайствую пред ним о заступлении "Современных известий"

Ваш искренний *Т. Филиппов*

Спб. 4 мая 1886.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Печатается по автографу: РНБ. Ф. 847. № 713. Л. 12–13; копия Г.: Там же. № 714. Л. 11.

[2] См. Приложение, письмо 4.

[3] Имеется в виду воспрещение розничной продажи, наложенное на "Современные известия"

[4] Подразумевается московский генерал-губернатор (с 1865) кн. В.А. Долгоруков (1810–1891), неоднократно оказывавший покровительство Гилярову. См. черновики трех гиляровских писем к кн. Долгорукову с объяснением отчаянного финансового положения (1883–1884) (РНБ. Ф. 847. № 410. Л. 1–8) и одного с просьбой оказать содействие в получении аренды "Московских ведомостей" (1887) (ИРЛИ. Ф. 71. № 49/3. Л. 2 об.).

[5] См. сообщение в гиляровской газете под названием "Приезд министра": «6 мая с поездом Николаевской жел⟨езной⟩ дор⟨оги⟩ прибыл из С.-Петербурга в Москву г. министр внутренних дел граф Толстой; он остановился в гостинице "Дрезден" на Тверской улице» (Современные известия. 1886. № 124, 8 мая. С. 2). Граф приехал в Москву незадолго до ожидавшегося 13 мая прибытия туда императорской семьи. 14 мая в Первопрестольной состоялся Высочайший парад (см.: Прибытие в Москву Их Императорских Величеств // Там же. 1886. № 130, 14 мая. С. 2).

[6] Именование Божией Матери в известном молитвословии: "Честнейшую Херувим ⟨...⟩ сущую Богородицу Тя величаем" (Канонник, или Полный молитвослов. ⟨Минск⟩, 2005. С. 51–52).

[7] *Трын-трава.* Проклятая кобыла // *СИ.* 1886. № 90, 2 апр. С. 1–2. В новелле рассказывается о злоключениях "отца Ивана, батюшки села Волынцева", у которого украли мерина; взамен он покупает у цыган кобылу, оказавшуюся "с норовом" и непригодной в хозяйстве; с трудом продав ее за четверть покупной цены, герой получает на руки фальшивые ассигнации, которые в качестве взятки дает секретарю консистории и вскоре получает новый богатый приход. Но дело выясняется, и отца Ивана переводят в бедное захолустное село.

[8] См.: Слово. 1886. № 46, 29 апр. С. 1–2; № 47, 1 мая. С. 1–3. Подпись "Трын-трава" здесь отсутствует, а ссылка в конце ("Р⟨усский⟩ курьер") указывает, что

рассказ перепечатан якобы не из "Современных известий"; однако в "Русском курьере" он опубликован не был. В "Слове" опущено острое в сатирическом отношении окончание произведения (две из четырех главок – эпизоды со взяткой в консисторию и последующими злоключениями героя). "Слово" – независимая галицко-русская газета (1861–1887). Редакторы: Б.А. Дедицкий, затем – В.М. Площанский.

[9] достойно отвержения, отречения, удаления (цркс.л)

14

Филиппов – Гилярову[1]

Многоуважаемый
Никита Петрович!

Необходимо видеться! Приходите сего дня около 4-х часов; не застанете, подождите! Дело серьезное![2]

Ваш *Т. Филиппов.*

10 окт⟨ября⟩ 1887.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Печатается по автографу: РНБ. Ф. 847. № 713. Л. 14; копия Г.: Там же. № 714. Л. 12.

[2] В письме в Москву к своей сотруднице по газете А.М. Гальперсон от 10 октября 1887 г. Гиляров, находившийся в то время в Петербурге (где хлопотал об аренде "Московских ведомостей"), сообщал об этой записке: «Только что сел за завтрак, является курьер от Филиппова с письмом: "Приезжайте в четыре часа непременно; дело серьезное. Если не застанете, подождите". Спешно доканчиваю докладную записку (к министру народного просвещения гр. И.Д. Делянову. – *А.Д.*). Смотрю на часы: 3 часа $^{3}/_{4}$. Нанимаю извозчика и еду к Филиппову ⟨...⟩. Филиппов встречает меня словами: "Завтра в два часа совещание..." ⟨...⟩ Долго Филиппов говорил против Петровского. Тогда я вынимаю из кармана докладную записку и читаю ее. "Превосходно, именно так". – Я сказал, что нахожу нужным отложить щекотливость в сторону. – "Какая тут щекотливость! – он даже возмутился. – Это дело государственное"» (*Гиляров-Платонов Н.П.* Из пережитого: автобиогр. воспоминания: ⟨В 2 т.⟩. СПб., 2008. Т. 2. С. 240–241). Упоминаемое совещание состояло из шести министров предполагало передать "Московские ведомости" правоведу и публицисту С.А. Петровскому, но было "отложено вследствие финансовых возражений" (там же. С. 246). 13 октября Гиляров скончался.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ Н.П. ГИЛЯРОВА-ПЛАТОНОВА И Т.И. ФИЛИППОВА С П.П. ВЯЗЕМСКИМ И Е.М. ФЕОКТИСТОВЫМ

1

Гиляров – Вяземскому[1]

Москва, 10 сентября 1882.

Милостивый Государь,
князь Павел Петрович.

Прежде всего прошу прощения, что обращаюсь к Вам неофициально по делу, которое требовало бы от меня официального прошения. Я было поджидал Вас в Москве, чтобы лично объяснить Вашему Сиятельству свою просьбу; но, по слухам, сомнительно еще, будете ли Вы здесь, и я решаюсь беспокоить Вас в историческом Остафьеве[2].

Есть у меня замысел издавать иллюстрированный журнал, – не[3] вроде "Будильника"[4] или "Стрекозы"[5], разумеется. Вероятно, в разрешении мне и не было бы отказано. Но 1)[6] дополнения к законам о печати[7] нагоняют такой страх, что начинаешь сомневаться в успехе самого благонамеренного ходатайства; 2) мне не хотелось бы быть лишенным права, в котором не отказано Гатцуку. Гатцук издает *без* цензуры. А признаюсь, официального гласного отказа в своей просьбе я не мог бы перенести без чувства, глубоко горького[8]. Вот почему и осмеливаюсь предварительно частным письмом[9] обратиться к Вашему Сиятельству: могу ли я быть уверен в успехе своей просьбы? При успокоительном известии от Вашего Сиятельства я счел бы долгом, вместе с программой и прошением, явиться в Петербург и лично объяснить намерение предполагаемого издания. Оно не будет фельетонного, сатирически-юмористического характера, как я сказал уже, но не обойдется без тенденции. Смею полагать, что направление мое достаточно известно и потому на сей раз не буду входить в подробности: скажу только, что все иллюстрированные издания принадлежат у нас либо исключительно к *спекулятивным*, либо обслуживают тенденции в дурном смысле, потворствуя и содействуя развратным вкусам и нравам, или и того хуже. Иллюстрации между тем – великое воспитательное средство[10].

Не решаясь далее утомлять Ваше Сиятельство, смею просить о кратком меня извещении: стоит ли мне "огород горо-

дить"? Как посмотрите Вы и Его Сиятельство Граф Дмитрий Андреевич?[11]

С чувством истинного почтения честь имею быть
Вашего Сиятельства покорнейшим слугою

Н. Гиляров-Платонов

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 4132. Л. 1–2; черновик: РНБ. Ф. 847. № 393. Л. 2–4.

[2] Старинное имение Остафьево (известно с начала XVII в.), расположенное в 8 км к югу от Москвы, было приобретено кн. Андреем Ивановичем Вяземским в 1792 г.; его внук Павел Петрович (см о нем прим. 22 к письму 5), вступил во владение Остафьевым в 1861 г. и вскоре превратил его в домашний музей, наполнив уникальными археологическими предметами и произведениями искусства.

[3] После этой частицы в черновике зачеркнуто: "сатирический" (л. 2).

[4] Еженедельный "сатирический журнал с картинками" "Будильник" выходил в Петербурге (с 1865 г.) и потом в Москве (с 1873 г.); редакторы: Н.А. Степанов, Н.П. Кичеев (с 1877 г.), Н.В. Неврев (с 1882 г.).

[5] Петербургский еженедельный "художественно-юмористический журнал" "Стрекоза" издавался с 1876 г.; редакторы: Н.А. Богданов, И.Ф. Василевский (с 1879 г.).

[6] Далее в черновике вычеркнуто: "слухи о проектируемых изменениях" (л. 2).

[7] См. прим. 14 к письму 5.

[8] В черновике вместо этих слов было более резкое выражение: "без чувства глубокого оскорбления" (л. 3).

[9] Далее в черновике зачеркнута повторная ссылка на "Газету А. Гатцука": "буде правительство найдет ⟨...⟩ возможным не отказать мне в том, что дозволено Гатцуку, я войду уже с официальным прошением" (л. 3). См. также прим. 23 и 24 к письму 5.

[10] В упоминавшемся письме от 25 сентября 1882 г. Гиляров исповедовался перед кн. Н.В. Шаховским: «Иллюстрация есть великое воспитательное средство. Подумайте одно: у "Нивы" 75 000 подписчиков; да и на все иллюстрации бросаются жадно. Что же касается до меня, то новое издание или поддержало бы "Современные известия", или облегчило бы, по крайней мере, их ликвидацию, чего я теперь не могу совершить без разорения» (РНБ. № 502. Л. 5 об.).

[11] В черновике далее было: "на мой замысел" (л. 4).

2

Гиляров – Феоктистову[1]

Апреля 10 дня 1885 г.

Милостивый Государь
Евгений Михайлович.

Неожиданна для меня была кара, постигшая меня, и незаслуженно строго[2].

Неожиданна была кара потому, что нарушенный циркуляр запрещал оглашать случаи внутри учебных заведений. А случай, о котором повествовал фельетон, навлекший кару, был уже оглашен; оглашен не моею газетою[3]. Корреспондент мой прибавил только лишнее освещение, взяв за основание то, что было уже во всех газетах. Если бы по появлении известия распространение его было бы приостановлено хотя бы конфиденциальным сообщением, какие нам объявляются чрез цензурные комитеты, корреспонденция, разумеется, не появилась бы. А в сущности, она и не в дурном духе; она не колеблет школьной дисциплины (а идея циркуляра, без сомнения, имела это в виду). Ее цель – вызвать ревизию семинарии, о чем она и просит; а это – не злонамеренное желание.

Допускаю, что с моей стороны была неосторожность; но во все 17 лет издания на меня не налагали столь сурового наказания. Было, после третьего предостережения, приостанавливали на *три* недели[4], другой раз – на две (сократили, впрочем, на *одну*)[5]. Позвольте просить Вас о сокращении и настоящего срока. Будьте милостивы, разрешите возобновить выход с 15 числа[6].

В довершение я приостановил газету даже днем ранее срока. Этим неосторожно прибавил еще сам себе лишний день наказания, не дождавшись официального объявления и руководствуясь только телеграммою.

С истинным уважением честь имею быть
Вашего превосходительства покорный слуга

Н. Гиляров-Платонов

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Печатается по автографу: ИРЛИ. Сигн. 9112. Л. 7–7 об. Письмо на бланке с напечатанным в верхнем левом углу текстом «Ежедневная газета “Современные известия”. Москва».

[2] См. прим. 3 к письму 9.

[3] См. прим. 6 к письму 9.

[4] См. прим. 4 к письму 9.

[5] 22 декабря 1876 г. вышло "Распоряжение министра внутренних дел": «На основании Высочайше утвержденного 16 июня 1873 года положения Комитета министров министр внутренних дел *определил*: за перепечатание в №№ 342 и 343 газеты "Современные известия" статей из газеты "Русский мир", составляющих прямое нарушение распоряжений, объявленных редакторам бесцензурных периодических изданий 2 и 18 минувшего ноября, приостановить издание "Современных известий" на две недели» (Современные известия. 1877. № 1, 2 янв. С. 1). Но после хлопот друзей 29 декабря вышло новое распоряжение: «Министр внутренних дел *определил*: разрешить с 1 января 1877 года выпуск в свет газеты "Современные известия", приостановленной распоряжением от 22 декабря 1876 года» (там же). Впрочем, Гиляров утверждал (в недатированном письме к начальнику Главного управления по делам печати В.В. Григорьеву), что эта цензорская кара обошлась его карману "в двадцать тысяч" (РНБ. Ф. 847. № 519. Л. 1 об.). Издание, таким образом, было приостановлено на неделю: последний № 354 за 1876 г. вышел 24 декабря, а следующий – № 1 за 1877 г., – как обычно, 2 января. Статьи из "Русского мира" – небольшие корреспонденции из Брест-Литовска и Варшавы – были озаглавлены одинаково ("Оборонительные работы") и, с точки зрения цензурного ведомства, видимо, содержали сведения, представлявшие военную тайну.

[6] Эта просьба, а также ходатайство Филиппова отчасти возымели успех: газета была приостановлена не на месяц, а только на 15 дней: № 93 датируется 7 апреля 1885 г., а № 94 – 23 апреля.

3

Феоктистов – Гиляров[1]

12-го апреля 1885.

При всем моем желании не могу явиться ходатаем за Вас, многоуважаемый Никита Петрович. Напрасно Вы ссылаетесь на то, что возмутительное происшествие в Тифлисской семинарии было уже оглашено другою газетой. Хотя не следовало бы, конечно, оглашать подобные события, но дело не в оглашении их, а в окраске. Именно окраску их и имел главным образом в виду циркуляр 29 октября 1882 г. (третий по тому же самому предмету), который говорит: "Воспрещается печатание *тенденциозных известий* о внутренней жизни учебных заведений, как светских, так и духовных, равно обсуждение мер взыскания, налагаемых на воспитанников в дисциплинарном порядке..." Воспитанник не послушался распоряжений начальства, наговорил грубостей, его исключают из заведения, а корреспондент Ваш находит эту меру несправедливой, жестокой и выставляет виновного мучеником. Даже Т.И. Филиппов, горячо за Вас вступившийся, находил, что корреспонденция пристрастна и вредна, а я уверен, что прямая ее цель – подлить масла в огонь, произвести известное впечатление

на товарищей виновного. Вы знаете, конечно, что с каждым годом усиливается брожение в среде армянской и грузинской молодежи, – зачем бы потворствовать ему? Не забудьте при сем, что относительно истории, о которой идет речь, состоялась Высочайшая резолюция[2], что о каре, постигшей Вашу газету, известно в высших сферах, – по каким же соображениям я возвысил бы голос в Вашу пользу? Было намерение приостановить "Совр⟨еменные⟩ извест⟨ия⟩" на три месяца, но срок ограничен только одним. Нельзя было поступить снисходительнее.

Надеюсь, что Вы не будете объяснять мой образ действий личным недоброжелательством, ибо – говорю откровенно – я всегда питал к Вам искреннее уважение.

Преданный Вам
Е. Феоктистов

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Печатается по копии неустановленного лица: РНБ. Ф. 847. № 711. Л. 4, 5.
[2] См. прим. 3 к письму 10.

4

Феоктистов – Филиппову[1]

Дорогой Тертий Иванович, – третьего дня К.П. Победоносцев прислал мне письмо к нему Гилярова[2], а вчера Вы сообщили мне об его ходатайстве. Победоносцеву высказывает он предположение, будто розничная продажа его газеты запрещена за обличение федосеевцев-бракоборов (!!)[3], а Вам – будто за обличение действий Московского обер-полицеймейстера[4]. И то, и другое – чистейший вздор. Ни с федосеевцами, ни с генералом Козловым не состоим мы ни в какой связи, а потому и ополчаться нам на них нечего.

Меня всегда удивляло, что Н.П. Гиляров, человек недюжинный и по уму, и по образованию, помещает в своей газете, наряду с дельными статьями, невероятные мерзости. Небрезгливость его в этом отношении изумительна. Несколько времени тому назад печатал он фельетоны какого-то Казанцева о Троицкой Лавре[5] – фельетоны, из которых всякий читатель мог вынести лишь глубокое к Лавре отвращение[6]. Казанцев сделал затем попытку издать их отдельною книгой[7], и нам пришлось принимать меры, чтобы не выпустить ее в свет[8]. Уже это возбуждало раздражение против Гилярова. Как нарочно, одновременно с тем Московский

комитет указал Главному управлению на новый фельетон в "Совр⟨еменных⟩ известиях", озаглавленный "Кобыла" и посвященный описанию мошеннических проделок священника[9]. Наконец, беспрерывно появлялись в газете корреспонденции, в которых как бы умышленно духовенство изображалось в самом ненавистном свете[10]. Все это заставляло думать, что мерзостные фельетоны Казанцева вовсе не были случайностью.

Вы знаете, что я ничего не имею лично против Н.П. Гилярова. Совершенно напротив. Догадываюсь только, что, запутавшись в делах, он небрежно относится к своему изданию[11], чем и пользуются окружающие его писаки.

В настоящую минуту я не могу говорить о «Совр⟨еменных⟩ известиях" с графом Д.А. Толстым, потому что он уезжает в Москву[12] и до отъезда я его не увижу.

Искренно пред⟨анный⟩
Е. Феоктистов

4-го мая ⟨1886 г.⟩

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Печатается по автографу: РНБ. Ф. 847. № 713. Л. 15–16.

[2] Победоносцев писал Феоктистову 2 мая 1886 г.: «Прочтите прилагаемое письмо Гилярова. Газете его поделом, но мне помнится, по словам Вашим, запрещение было вызвано не фельетоном "Греховодники", а другим каким-то мерзким рассказом. ⟨...⟩ По этому предмету, т.е. по обличению федосеевцев-бракоборов, статьи Гилярова были для меня сюрпризом, и я за то похвалял его. ⟨...⟩ Но помнится, повторяю, что здесь, в Гл⟨авном⟩ управлении, причина запрещения была иная» (Литературное наследство. Т. 22/24. С. 522). Федосеевцы (по имени основателя секты Феодосия Васильева) – последователи радикального беспоповского толка, отвергавшего не только институт священства, но и гражданский брак и молитву за царя, поскольку, по их мнению, после церковных реформ патриарха Никона наступило "последнее антихристово время".

[3] Имеется в виду большой цикл очерков под названием "Греховодники (Из жизни федосеевцев и филипповцев)" (подписи в отдельных номерах отличаются одна от другой: "Ив. Д-в", "И.В. Д.", "И. Д."), печатавшихся в "Современных известиях" начиная с 22 февраля 1885 г. на протяжении двух с половиной лет и нередко вызывавших довольно неоднозначные отклики. Автор даже выступил с апологией своего сочинения, приведя примеры благотворного влияния его на раскольников и заявив, что «"Греховодники" служат как православные миссионеры» (*Автор "Греховодников"*. К слову о федосеевцах // Современные известия. 1886. № 71, 14 марта. С. 2). Московский расколовед Н.И. Субботин негодовал: «...из корреспонденций о расколе, нередко появляющихся в "Современ⟨ных⟩ известиях", немного можно указать таких, где не было бы лжи, требующей обличения» (Братское слово. 1884. Т. II, № 11. С. 59).

[4] Почти в каждом номере "Современных известий", под рубрикой "Заметки и известия", публиковались сообщения об очередных распоряжениях московского обер-полицеймейстера, весьма энергичного генерала Александра Александровича Козлова (1837–1906); по большей части в этих заметках отношение к его деятельности было доброжелательным, но порой она оценивалась и критически. См., например, корреспонденцию "Благодетельное распоряжение" (Современные известия. 1886. № 91: 3 апр. С. 2). Козлов занимал должность обер-полицеймейстера в 1878–1881 и 1882–1887 гг.; в 1905 г. в течение трех месяцев был и московским генерал-губернатором.

[5] "Воспоминания о Троицкой Лавре" печатались в 13 номерах "Современных известий" за 1885 г. – с 19 июня (№ 151) по 19 ноября (№ 301), сначала под псевдонимом "Бывший Лаврский ученик" и, сокращенно, "Б. Л. У.", а начиная с № 212 – они подписывались: "В. Каз-в" и "В. К-в" и, наконец, с № 255 (4 окт.), – настоящим именем – В. Казанцев. Василий Семенович Казанцев (ок. 1849 – после 1906) – публицист, мемуарист.

[6] Казанцев, отданный отцом – разорившимся купцом – в возрасте 15 лет в Лавру, провел в ней в качестве "питомца" 5 лет. Его воспоминания посвящены околоцерковному быту, причем меткие, но подчас ехидные характеристики насельников Лавры создавали картину, далекую от традиционных благочестивых описаний монашеской жизни.

[7] В № 332 и 341 "Современных известий" (от 20 и 31 декабря 1885 г.) было опубликовано объявление: «Воспоминания о Троицкой Лавре В.С. Казанцева, печатавшиеся в "Современных известиях" за нынешний год, в непродолжительном времени выйдут отдельным изданием в объеме свыше 15 печатных листов. Цена 1 р. 50 к. Главный склад издания в книжном магазине Д.Н. Преснова, на Никольской, и в конторе "Современных известий", подписчики которых могут получать книгу за 1 рубль. За пересылку прибавляют как за 2 фунта. Подписка принимается». Победоносцев приложил вырезку с этим объявлением (из № 341) к своему письму к Феоктистову от 2 января 1886 г., в котором негодовал: «Вот объявление о книге. Я помню эти фельетоны в "Современных известиях". Они все наполнены скандальными анекдотами о монахах (даже с именами) и о любовных похождениях. Есть тут поэмы в стихах на все эти проделки, сочинение разных послушников, к числу коих, мож⟨ет⟩ быть, принадлежал и автор. В свое время я получал письма с жалобами, как позволяют все это печатать. Очевидно, что издание целой книги (Пресновым) рассчитано на скандал. Благоволите рассудить, нет ли предлога остановить издание» (Литературное наследство. Т. 22/24. С. 513).

[8] Книга все-таки была отпечатана – к марту 1886 г. – под измененным названием "За оградою и в мире: из воспоминаний В.С. Казанцева" в количестве 2600 экз. И вскоре, по донесению цензора К.И. Воронича от 5 апреля, конфискована за мрачное изображение лаврской темы, наносящее "существенный вред религиозно-нравственному чувству". Согласно документам, тираж якобы был уничтожен в 1902 г., однако в 1906 г. именно это первоначальное издание увидело свет под названием "Среди иноков" и без указания автора (см.: Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати. М., 1971. Ч. II. С. 246).

[9] См. прим. 7 к письму 13.

[10] Феоктистов имеет в виду публикации вроде следующих (все три не подписаны): Рвение о богослужебном назидании в борьбе с копейками: из Коломны, *12 января* // Современные известия. 1886. № 17, 18 янв. С. 3; Ловко обманутый: из Мценска, *9 марта* // Там же. 1886. № 76, 19 марта. С. 3; Невозможный

батюшка: со станции Грязи, Липецкого уезда, *30 марта* // Там же. 1886. № 99, 11 апр. С. 3. Впрочем, приводимые в этих корреспонденциях факты, нередко из ряду вон выходящие, лишены каких-либо тенденциозных обобщений. Столь же непримиримо относился к этим публикациям и бывший приятель Гилярова Победоносцев. Он писал Феоктистову 16 января 1887 г.: "Нет сладу с Ник⟨итой⟩ Гиляровым. Его газета становится складочным местом всевозможных сплетен и инсинуаций изо всех углов России – корреспонденты его отовсюду шлют поповские дрязги и пересуды, и он все, не разбирая, печатает" (Литературное наследство. Т. 22/24. С. 523).

[11] Сходным впечатлением от гиляровской газеты делился с И.С. Аксаковым такой практик издательского дела, как А.С. Суворин, в письме от 14 февраля 1884 г.: "Но он издавал газету невозможно уже несколько лет, как-то смешивая серьезные свои статьи с скандалом фельетона и давая массу перепечаток. У него все как-то случайно выходило, случайно и будто ненужно: есть он или нет – все равно?" (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. № 588. Л. 12)

[12] См. прим. 5 к письму 13.

Составление и комментарий А.П. Дмитриева

ВОЗРОЖДЕНИЕ МЕТАФИЗИКИ В XX ВЕКЕ: НА ПРИМЕРЕ ХРИСТИАНСКИХ ФИЛОСОФСКИХ ТРАДИЦИЙ – НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ НЕОТОМИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ (Э. КОРЕТ) И РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ (С.Л. ФРАНК)

О.А. Назарова

1. ВВЕДЕНИЕ В ТЕМУ: ОБОСНОВАНИЕ ВЫБОРА ПЕРСОНАЛИЙ ДЛЯ СРАВНЕНИЯ

Метафизика – это древняя и в то же время новая наука. Она ведет речь об истине бытия, которая будучи всегда открытой бытию человека, каждый раз по-новому должна находить в нем свое исполнение[1]. Повышенное внимание к теоретико-познавательным вопросам, к теории и методологии естественных наук стало причиной уменьшения числа метафизических исследований в XIX столетии. Говоря словами Хайдеггера, бытие оказалось забытым.

---

[1] *Coreth E.* Metaphysik. Innsbruck; Wien; München, 1964. S. 11.